

ТЕМНЫЙ РЫЦАР: ВОЗРОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ™

АВТОР НОВЕЛЛИЗАЦИИ ГРЕГ КОКС

СЦЕНАРИЙ ДЖОНАТАНА НОЛАНА И КРИСТОФЕРА НОЛАНА
СЮЖЕТ КРИСТОФЕРА НОЛАНА И ДЭВИДА С. ГОЙЕРА
ОСНОВАНО НА ПЕРСОНАЖАХ КОМИКСОВ, ИЗДАННЫХ DC COMICS
ОБРАЗ БЭТМЕНА СОЗДАН БОБОМ КЕЙНОМ

Вселенная Бэтмена

Грег Кокс

**Темный рыцарь:
Возрождение легенды**

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.111-313.2 (73)
ББК 84(7Coe)-44

Кокс Г.

Темный рыцарь: Возрождение легенды / Г. Кокс — «Издательство АСТ», 2012 — (Вселенная Бэтмена)

ISBN 978-5-17-119584-7

Восемь лет прошло с тех пор, как Бэтмена в последний раз видели в Готэм-Сити. За альтер-эго Брюса Уэйна охотится закон, и, кажется, уже ничто не может вернуть его обратно. Даже наглая кража, совершенная загадочной и соблазнительной воровкой Селиной Кайл в стенах поместья Уэйнов. Но затем, словно из ниоткуда, появляется новая смертельная угроза. Бэйн. Огромный, мощный и ужасно методичный, Бэйн стремится распространять хаос и смерть. Комиссар Гордон и департамент полиции Готэма не в состоянии остановить его, и им некуда обратиться. Но после стольких лет, может ли Темный рыцарь еще раз спасти Готэм от самой серьезной угрозы? Официальная новеллизация заключительной главы в эпической трилогии «Темный рыцарь» Кристофера Нолана.

УДК 821.111-313.2 (73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-119584-7

© Кокс Г., 2012

© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	28
Глава седьмая	34
Глава восьмая	38
Глава девятая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Грег Кокс

Темный рыцарь: Возрождение легенды

Greg Cox
The Dark Knight Rises

Copyright © 2012 DC Comics.

BATMAN and all related characters and elements are trademarks of and © DC Comics

WB SHIELD: ™ & © Warner Bros. Entertainment Inc. (s20)

S 0235280

© Е. Иванова, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Восемь лет назад...

– Харви Дент был нужен. Он был всем тем, о чем молил Готэм.

Комиссар полиции Джеймс Гордон стоял перед трибуной у здания суда, где покойный окружной прокурор, якобы принявший мученическую смерть при исполнении служебных обязанностей, в свое время боролся за справедливость, предъявляя обвинения могущественным вождям преступного мира города. Почтить память Дента собрались и хмурые чиновники, включая мэра и городской совет. Черный похоронный венок обрамлял большой цветной портрет красивого мужчины с волнистыми светлыми волосами, сильной челюстью и улыбкой победителя. Харви Дент выглядел как защитник справедливости, но Гордон видел другое его лицо. Комиссар немного помедлил, прежде чем продолжить.

– Он был... героем. Не тем, которого мы заслужили. А тем, в котором нуждались. Не кем иным, как рыцарем, ярко сияющим даже в самые темные часы Готэма. Но я знал Харви Дента. Я был... его другом. Еще не скоро появится человек, который будет вдохновлять нас так, как он.

Гордон собрал свои записи, стремясь покончить с этим и сойти с трибуны:

– Я верил в Харви Дента.

Слова застряли у него в горле. Если повезет, люди подумают, что его просто переполняют эмоции. Не дай бог им угадать, что он на самом деле чувствовал. Это был секрет, которым он поделился только с одним мужчиной, человеком, который пожертвовал своей собственной легендой, чтобы сохранить наследие и репутацию Дента. Человек, чье лицо Гордон никогда не видел. Настоящий Темный рыцарь Готэма.

«Он наблюдает сейчас? – задумался Гордон, его глаза смотрели на толпу. – Где он теперь? И увидит ли его Готэм снова?»

Глава первая

Где-то в Восточной Европе

Большой внедорожник мчался по изрезанной горной дороге, мимо скалистых склонов без каких-либо признаков человеческого жилья. Клочковатые серые холмы то тут то там покрывали кустарники и зелень. Машина шла, не разбирая дороги, пытаясь успеть к месту встречи до захода солнца. Внедорожник прыгал по пересеченной местности под мрачным пасмурным небом, почти того же серого цвета, что и холмы. Сильный ветер хлестал сквозь суровые вершины и ущелья.

«*Плохое предзнаменование*», – подумал доктор Леонид Павлов. Ученый средних лет напряженно сидел в машине, в окружении мрачных мужчин, вооруженных автоматическим оружием. Еще несколько солдат охраняли пленников на заднем сиденье: три молчаливые фигуры с мешками на головах. Под пристальным взглядом охранников они сидели неподвижно, их руки были скованы наручниками.

Павлов неловко поежился, чувствуя себя скорее заключенным, чем пассажиром. Он нервно провел рукой по непослушным седым волосам. От пота рубашка приклеилась к спине. «*Правильно ли я поступаю? – беспокоился он. – Что если я совершу ужасную ошибку?*»

Появились и другие звуки. Как только он убедил себя, что не должен был принимать предложение американцев, внедорожник прибыл к месту назначения – небольшой взлетно-посадочной полосе с видом на разрушенный войной город. Вдали раздался артиллерийский огонь, отзвуки эхом отразились на пустынных склонах. Заревели сирены. Звуки конфликта, который длился уже несколько месяцев, напомнили Павлову, почему он так хотел бежать из страны в более безопасное и цивилизованное место. Здесь было не место для человека его интеллекта – больше нет.

Внедорожник остановился, и охранники вытолкнули его из машины. На взлетно-посадочной полосе ждал турбореактивный самолет без опознавательных знаков вместе с небольшой встречающей группой, состоящей из невзрачного человека в костюме и небольшого эскорта вооруженных охранников. Хотя на солдатах не было опознаваемой формы или знаков отличия, Павлов предположил, что они были спецназом США, вероятно, из собственного секретного отдела специальной деятельности ЦРУ. Элитные полувоенные формирования специализировались на диверсиях, убийствах, борьбе с терроризмом, разведке... и эвакуации. Павлов надеялся, что сможет доверить им свою безопасность, особенно после недавнего побега.

Водитель подтолкнул его к человеку в костюме.

– Доктор Павлов? – Мужчина улыбнулся и протянул руку. – Я из ЦРУ.

Он не назвал свое имя, впрочем, сделай он это, и Павлов все равно не поверил бы ему. Безымянный американский агент передал кожаный портфель радостно принявшему его водителю внедорожника. В портфеле было более чем достаточно средств, чтобы эта рискованная доставка стоила времени водителя. Он указал за спину.

– Он был не один, – заявил водитель.

Сотрудник ЦРУ разглядел людей с мешками на головах на заднем сиденье машины. Он хмуро посмотрел на Павлова:

– Вы не можете взять друзей.

– Они не мои друзья! – возразил ученый. На самом деле он хотел уйти как можно дальше от тех людей. «*Вы не знаете, на что они способны!*»

– Не волнуйтесь, – сказал водитель агенту ЦРУ. – Они входят в стоимость.

Американец с сомнением разглядывал пленников.

– Зачем они мне?

– Они пытались забрать ваш приз, – объяснил водитель, ухмыляясь. – Они наемники. Работают на человека в маске.

Волнение появилось на неопределенных, непримечательных чертах лица агента ЦРУ. Он пристально посмотрел на пленников.

– Бэйн?

Водитель кивнул.

– Взять их на борт, – приказал агент своим людям, быстро изменив свои планы. Очевидно, это была возможность, которую он не собирался упускать. Он достал из пиджака сотовый телефон. – Я позвоню им.

Павлов тяжело сглотнул. Ему не нравилось происходящее. Он содрогнулся при воспоминании о попытке похищения и при самом упоминании печально известного командира нападавших. Бэйн стал синонимом злодеяний, по крайней мере, в этой части мира. Если бы не своевременное вмешательство милиции, он бы оказался в лапах убийцы.

Будь у него выбор, он оставил бы людей Бэйна далеко позади.

Через несколько минут они низко летели над темными горами, стремясь, чтобы их не обнаружили. Специальный агент Билл Уилсон проверил доктора Павлова, без колебаний вжавшегося в пассажирское кресло, прежде чем обратить свое внимание на заключенных. Несмотря на спокойный профессиональный вид Уилсон был взволнован перспективой наконец получить надежную информацию о Бэйне. До сих пор известный наемник сопротивлялся всем усилиям Управления нейтрализовать его или даже привлечь на свою сторону. Они даже не знали, как он выглядел под этой гротескной маской. Этот человек был загадкой – с бесчисленными жертвами.

«Забудь о Павлове, – думал Уилсон. – Если я смогу получить информацию на Бэйна, это украсит мой послужной список. Возможно, даже будет продвижением по службе. Может быть, пост в Вашингтоне или Нью-Йорке».

Мужчины с мешками на головах стояли на коленях у грузовой двери, их запястья были закованы в наручники сзади. Пленников охраняли десантники спецназа. Уилсон наугад схватил одного пленника.

– Что вы делаете в моей операции? – требовательно спросил он.

Пленник держал рот на замке.

«Хорошо, – подумал Уилсон. – Пусть будет по-вашему». Он не ожидал, что мужчина расколется без небольшого воздействия. Он вытащил полуавтоматический пистолет из-под куртки и приставил дуло к голове человека. Пленник вздрогнул, но промолчал. Уилсон решил поднять ставку. Он повысил голос, чтобы все трое могли слышать его даже через мешки на головах.

– В план полета, который я только что представил Агентству, внесены я, мои люди и, конечно, доктор Павлов. Но только *один* из вас.

Он распахнул грузовую дверь. Холодный воздух проник в кабину, а ветер снаружи взвыл, словно душа в муках. Уилсон схватился за ремень, чтобы устоять на ногах. Он кивнул ребятам из спецназа, которые схватили первого заключенного и повесили над грузовой дверью. Ветер бушевал в его волосах и одежде, угрожая вырвать заключенного из рук военных. Несколькими тысячами футов ниже ожидали лесистые вершины.

– Первый, кто заговорит, сможет остаться в моем самолете! – пытался перекричать ветер Уилсон. Он взвел курок своего оружия. – Итак... кто заплатил вам за похищение доктора Павлова?

Мужчины молчали. Уилсон признал, что у Бэйна были преданные наемники. Ему придется надавить сильнее.

«Время для маленькой ловкости рук...»

Он выстрелил за дверь – резкий звук в завывающем ветре. Ребята из SAD¹ втащили упрямого заключенного обратно в самолет, а затем ударили его дубинкой, прежде чем он успел издать звук. Теоретически, двое других пленников должны были думать, что их товарищ мертв и выброшен за борт.

Может, это развяжет им языки.

– Он не умеет летать, – соврал Уилсон. – Кто хочет попробовать следующим?

Спецназовцы подошли ко второму заключенному. Двигаясь с выработанной практикой эффективностью, они вытащили потенциального похитителя за дверь, высоко над горами. Падать пришлось бы достаточно долго, чтобы вселить страх Божий в кого угодно.

– Расскажи мне о Бэйне! – потребовал Уилсон. – Почему он носит маску?

Только ветер ответил ему.

Разочарованный, Уилсон приставил пистолет к голове второго мужчины. Агент был сыт по горло упорным нежеланием пленников сотрудничать. Неужели они думали, что он просто шутит? Он снова взвел курок своего пистолета, но по-прежнему... ничего не получил.

– Много преданности для наемника!

– Или, – прервал новый голос, – возможно, он задается вопросом, зачем кому-то стрелять в человека, прежде чем выбросить его из самолета.

Приглушенный голос исходил от третьего заключенного, который казался больше и лучше сложен, чем двое других. Мускулы выпучились под его черной кожаной курткой и изношенной формой. У него было телосложение прыгуна или профессионального борца, и он высоко держал голову, несмотря на мешок.

Отбросив второго мужчину, Уилсон приказал солдатам втащить бесполезный кусок мяса обратно в самолет, а затем захлопнул грузовую дверь, чтобы отсечь воющий ветер и облегчить проведение допроса. Настало время ответов.

– Мудрый парень, да? – Он осмотрел третьего пленника. – По крайней мере, ты можешь говорить. Кто вы?

– Мы ничто, – ответил мужчина. – Мы грязь под вашими ногами. И никто не интересовался тем, кто я, пока я не надел маску.

«Ого, – подумал Уилсон, застигнутый врасплох. Своеобразная смесь волнения и опасения заставила его сердце биться чаще. – *Он только что сказал то, что я думаю?»*

Затаив дыхание, он осторожно подошел к заключенному и сдернул с мужчины мешок, обнажив тревожное лицо, которое сразу узнал по захваченным шпионским фотографиям и боевым кадрам. Это были лицо и маска, которые вдохновляли кошмары в кровавых уголках земного шара.

Темные глаза блестели над пугающей темно-синей маской, которая скрывала нижнюю половину лица мужчины, прикрывая нос, рот и подбородок. Маска, сделанная из резины с клепанными металлическими деталями, частично поддерживалась толстым вертикальным ремнем, который разделял лоб наемника и безволосый череп. Два ряда спиральных стальных дыхательных трубок проходили над и под каким-то встроенным ингалятором, который закрывал рот мужчины. Это придало его лицу смутно похожий на череп вид. Трубы бежали по краям маски к паре миниатюрных канистр позади его черепа. Воздух шипел, когда он дышал. Никаких признаков страха не было видно в пронзительных глазах мужчины. Он говорил спокойно и с полной уверенностью.

– Кто мы, не имеет значения, – сказал Бэйн. – Что важно, так это наш план.

¹ Специальная военизированная структура ЦРУ (Прим. пер.)

Уилсон был очарован продуманным головным убором мужчины, который напоминал специализированный противогаз. Было ли это сделано просто для эффекта, или дыхательный аппарат выполнял какую-то жизненно важную функцию? Он показал на него:

– Если я сниму его, ты умрешь?

– Это было бы невыносимо больно... – ответил Бэйн.

«Приятно знать», – подумал Уилсон. У него не было сочувствия к безжалостному наемнику. Бэйн был плохим парнем, который заслужил страдания.

– Ты уже большой мальчик.

– Для тебя, – пояснил Бэйн.

Холодок пробежал по позвоночнику Уилсона, но он постарался это скрыть. Важно было контролировать допрос.

– Быть пойманным – часть вашего плана?

– Конечно, – сказал Бэйн. – Доктор Павлов отказался от нашего предложения в пользу вашего. Мы должны были знать, что он рассказал вам о нас.

– Ничего! – крикнул ученый со своего места. Он был объят ужасом от присутствия Бэйна, хотя наемника надежно охраняли. У Павлова были испуганные глаза. Он кричал отчаянно, как будто вымаливал себе жизнь. – Я ничего не говорил!

Уилсон проигнорировал истерику Павлова:

– Почему бы просто не спросить его? – спросил он, кивая головой в сторону ученого.

– Он бы не сказал нам.

– У вас есть свои методы, – сказал Уилсон.

– Он нужен мне здоровым, – объяснил Бэйн. – С вами таких проблем нет.

Полная уверенность этого человека нервировала. Уилсон рассмеялся, главным образом для своих людей, а затем посмотрел вверх, когда где-то над ними раздался глубокий бас. Неожиданный звук проник в фюзеляж самолета, конкурируя со звуком двигателей.

Гром? Прогноз погоды не предсказывал штормов.

Сверху спустился массивный транспортный самолет, во много раз больше маленького турбореактивного самолета. Его тускло-серый корпус ничем не выдавал его принадлежность, пока он снижался опасно близко к маленькому самолету. Пандус открылся под транспортом, и четыре человека выпали, свисая с тросов – по два с каждой стороны от цели. Они были вооружены и готовы.

С каждой минутой грохот становился все громче. Турбулентность сотрясла самолет, заставив отклониться в сторону. Уилсон изо всех сил пытался сохранить равновесие. Он обменялся озадаченным взглядом с лидером группы спецназа, сержантом по имени Родригес, который выглянул из одного из маленьких окон самолета. Солдат сощурился от угасающего солнечного света.

– Сэр?

Уилсон не знал, что происходит, но показывать это не собирался. Ему все еще надо было провести допрос.

– Что ж, поздравляю, – насмеялся он над Бэйном. – Каков следующий шаг плана?

– Крушение этого самолета. – Бэйн медленно поднялся на ноги. – Без выживших.

Внезапно, на высоте тысяч футов над землей, с другой стороны иллюминатора появился вооруженный человек. Вздвогнув, один из бойцов повернулся к окну, но не достаточно быстро. С разных сторон раздался выстрелы, когда пара снайперов открыла огонь по окнам. Стекло разбилось, и люди Уилсона упали на пол. Кровь и хаос разлились по всей каюте. Смерть изменила план полета.

«Нет! – подумал Уилсон. – Этого не может быть! Я здесь главный!»

* * *

Снаружи самолета двое других мужчин прикрепили крепкие стальные крюки к фюзеляжу. Толстые кабели промышленной прочности соединяли два самолета, когда один из мужчин подал сигнал экипажу на борту большого транспорта. Мощные подъемники активировались, дернув меньший самолет, летевший внизу, за хвостовую часть. Стонущие лебедки оказывали невероятное давление на захваченный турбореактивный самолет. Его хвост вздернулся вверх.

Весь салон самолета наклонился вперед под углом почти девяноста градусов, что лишило равновесия агента ЦРУ и его людей. Неплотно закрепленный багаж и обломки свалились в переднюю часть самолета.

Агент ЦРУ вцепился в сиденье, чтобы не упасть, а мертвые и раненые солдаты проносились по вертикально расположенному салону, падая мимо все еще пристегнутого ремнями доктора Павлова. Взволнованный ученый пытался пропустить мимо себя эти неожиданные жертвы, но все происходило слишком быстро.

«Я знал это, – он был в отчаянии. – Я не должен был пытаться бежать. Для меня не было спасения. Не от Бэйна».

Только человек в маске казался готовым к внезапному изменению положения. Падая вперед, он обхватил своими массивными ногами спинку соседнего кресла и обеими руками схватил голову агента ЦРУ. Его запястья все еще были в наручниках, но это не помешало ему сломать шею американцу так же легко, как разорвать обертку конфеты.

Безымянный оперативник скончался мгновенно, далеко от дома.

Бэйн превратил труп в оружие, бросив его на молодого сержанта, который с глухим стуком врзался в дверь кабины. Тело сержанта обмякло. Павлов не мог сказать, был ли он мертв или просто без сознания. Не то чтобы это действительно имело значение – паникующий ученый был слишком напуган, чтобы беспокоиться о каком-то несчастном американском солдате.

«Бэйн убьет нас всех, чтобы получить то, что хочет».

Павлов уткнулся лбом в переднюю часть салона, которая теперь стала нижней частью чего-то, напоминающего бесконечные американские горки. Гравитация притянула ученого, и он прислонился ногами к спинке сиденья впереди, отталкиваясь от него.

Самолет сильно трясло – он разрывался на части. Павлов чувствовал разрушительные вибрации через пол, сиденье и позвоночник. Он был физиком, а не авиационным инженером, но даже он знал, что самолет больше не выдержит.

Ветер завывал сквозь разбитые окна. Глядя сквозь битое стекло, ученый увидел, как правое крыло срезало на глазах. Самолет наклонился в одну сторону.

«Вот и все, – понял Павлов. – Мы все умрем».

* * *

Снаружи четверо мужчин забрались на хвост болтающегося самолета. Они двигались быстро и эффективно, выполняя свою задачу. Второе крыло оторвалось, резко упав к неумолимым вершинам внизу. Облако дыма и мусора вспыхнуло там, где отрубленное крыло коснулось гор.

Мужчины ускорились. Они прикрепили взрывчатку к хвосту самолета и, не оставив себе права на ошибку, отскочили от самолета, качнувшись на привязи...

Бэйн снял наручники, как будто это были дешевые пластиковые игрушки. Расцепив ноги, он ослабил хватку сиденья и с удивительной проворностью падал по салону, кувыркаясь в воздухе, пока не достиг Павлова, после чего вытянул руки, чтобы остановить контролируемый спуск. Он четко знал, что делает и чего хочет.

Глаза Павлова расширились от страха.

Оглушительный взрыв сорвал заднюю дверь салона, чуть не вызвав у него сердечный приступ. Зловещий белый дым мгновенно наполнил салон. Сквозь дым в самолет упали люди Бэйна, висящие на тросах. Павлов смотрел с тревогой, не понимая, что происходит.

Бэйн находился здесь, чтобы убить его или спасти?

Тяжелый предмет спустили в салон. Ученый понял, что это мешок с телом. Бэйн положил его на спинку сиденья рядом с ученым. «*Это для меня?*» – гадал Павлов.

Затем он понял, что зловещий черный пластиковый пакет уже занят. Бэйн растянул молнию, и показалось тело незнакомца, который, тем не менее, выглядел смутно знакомым. Павлову потребовалось мгновение, чтобы понять, что мертвец был примерно одного с ним роста и возраста, с таким же смуглым цветом лица и непослушными седыми волосами. Даже их лица были явно похожи.

«*Не понимаю, – думал он. – Что это значит?*»

Бэйн не тратил время на объяснения. Он разорвал рукав рубашки Павлова, затем полез в скрытый карман в подкладке собственной куртки, достав отрезок хирургической трубки, от обоих концов которой исходили полые иглы. Бэйн крепко держал ученого за руку и пальпировал толстую вену в сгибе локтя.

«*Стой, – подумал Павлов. – Не...*»

Но это было бесполезно. Бэйн вонзил иглу в руку, умело пронзив вену с первой попытки. Павлов вздрогнул от боли. Ему никогда не нравились иглы.

«*Что ты делаешь?*»

Быстро приладив первую иглу на место, Бэйн вставил другой конец трубки в руку трупа. Темная венозная кровь начала течь из ученого в мертвеца. Растерянный и испуганный, Павлов с ужасом наблюдал, как Бэйн сжимал грудь покойника, *втягивая кровь в безжизненное тело.*

Ученый почувствовал тошноту в животе.

Меньше пинты – и непристойное переливание закончилось. Бэйн вытащил иглу из руки Павлова и жестом предложил ему надавить на рану, чтобы та не кровоточила.

Тем временем вооруженный наемник снял мешки с головы своих товарищей, затем схватил первого пленника и привязал его к тросу. Наемник крепко держался, когда трос потянул их обоих вверх по салону к свободе. Через несколько мгновений они исчезли из поля зрения.

«*Значит, выход там, – понял Павлов. Возможно, у него все еще была надежда, если Бэйн его сначала не убьет. – Мне нужно сойти с этого самолета, прежде чем он упадет!*»

Второй пленник, уже не связанный, начал привязывать себя к тросу.

Бэйн покачал головой.

– Друг, – мягко сказал он. – Они ожидают одного из нас среди обломков.

Мужчина понимающе кивнул. Не говоря ни слова протеста, он отцепился от спасательного троса, спустился к Бэйну и сжал руку своего лидера. Его глаза светились пылом истинного верующего.

– Мы же зажгли огонь? – спросил мужчина.

Бэйн сжал его руку в ответ.

– Огонь пылает.

Очевидно, этого было достаточно, потому что мужчина передал Бэйну трос. Наемник обхватил им тело Павлова, проверил и убедился в прочности троса, а затем достал нож, который, видимо, забрал у одного из своих людей – или, возможно, у одного из убитых американ-

ских солдат. Ученый сглотнул, увидев сверкающее стальное лезвие, представив, как оно перерезает ему горло, но Бэйн просто разрезал ремень безопасности Павлова, освобождая его.

Гравитация завладела ученым, когда он наконец начал падать вперед. Павлов запаниковал, ища, за что можно ухватиться, чтобы не упасть на дно салона.

«Помогите! – думал он. – Я падаю...!»

Они соскользнули с сидений, висящих в хаосе, в нескольких футах над дверями салона и наваленными там телами. Дым и кровь заполнили салон. Павлов задавался вопросом, пытался ли еще пилот безуспешно восстановить контроль над бескрылым самолетом. Куски пепла и мусора сдувало ветром ему в лицо, уши все еще звенели от взрыва, а ноги болтались в воздухе.

Бэйн вынул маленький ручной детонатор и посмотрел ему в глаза.

– Успокойтесь, доктор. Сейчас не время бояться. Оно наступит позже.

Наемник нажал кнопку взрыва. Павлов не услышал щелчок за ревом ветра, но он определенно услышал взрывы, которые освободили самолет ЦРУ от крюков. Внезапно весь салон упал вниз, оставив их висящими на высоте нескольких тысяч футов над горами. Мужчина, пожертвовавший своей жизнью, упал с остатками самолета, вместе с пилотами и трупами.

Павел смотрел вниз на душераздирающее падение. Бескрылые кабина пилотов и салон врезались в пересеченную местность, выбросив вверх огромный гейзер пыли и щебня. Топливные баки загорелись, вызвав огненный взрыв. Дым и пламя поднялись из обломков.

Леонид Павлов, выдающийся ученый и инженер, кричал от ужаса, пока его поднимали в небо.

Глава вторая

– День Харви Дента, может, не самый старый наш общий праздник, – заявил мэр Энтони Гарсиа, – но мы собрались здесь сегодня, потому что он один из самых важных. Бескомпромиссная позиция Харви Дента в отношении организованной преступности и, да, в конечном счете, его жертва сделали Готэм более безопасным местом, чем восемь лет назад, когда он умер.

Позади него стояла большая фотография Дента на коне.

Модная толпа заполнила залитую лунным светом землю поместья Уэйнов. Элегантные мужчины и женщины, представляющие сливки общества Готэма, вежливо слушали речь мэра, переходя с место на место и болтая между собой. Яркие огни рассеивали тень грозного поместья во всем его восстановленном готическом великолепии, ни намеком не выдававшего то, что все здание сгорело дотла несколько лет назад.

Дорогие украшения блестели на женщинах в дизайнерских вечерних платьях, которых сопровождали мужчины в шелковых костюмах и смокингах на заказ. Бокалы для шампанского звенели. Официанты проплывали среди гостей, предлагая свежие напитки и закуски. Это была чудесная осенняя ночь, и погода была прекрасной.

– Этот город стал свидетелем исторического поворота, – продолжил мэр со своего места на подиуме. Это был худой человек, чьи блестящие черные волосы и фотогеничная внешность пережили несколько лет офисной работы. – Ни один город не обходится без преступлений. Но в этом городе нет *организованной* преступности, потому что «Акт Дента» дал правоохранительным органам возможность бороться с мафией. Сейчас многие говорят об отмене этого закона. И им я говорю – только через мой труп!

Восторженные аплодисменты приветствовали его слова. Каждый из собравшихся извлек выгоду из улучшения ситуации в городе. Можно было снова с уверенностью инвестировать в Готэм и ждать солидной прибыли. Неудивительно, что мэр был переизбран на третий срок подряд.

– Я хочу поблагодарить «Фонд Уэйна» за организацию этого мероприятия, – продолжил он, смиренно принимая аплодисменты. – Мне сообщили, что мистер Уэйн не может быть с нами сегодня вечером, но я уверен, что душой он с нами.

«Или, может быть, он ближе, чем мы думаем», – подумал Джим Гордон. Комиссар сидел один в открытом баре недалеко от помоста. Он был бывшим полицейским из Чикаго – сильно за пятьдесят, с седеющими каштановыми волосами и усами. Уставшие голубые глаза смотрели через очки в роговой оправе. Взглянув на величественный мраморный фасад усадьбы, он заметил одинокую фигуру, наблюдавшую за торжеством с одного из верхних балконов. Фигура была настолько тихой и безмолвной, что его могли по ошибке принять за дымоход или горгулью, но Гордон узнал наблюдателя, когда увидел его. Он подозревал, что этот конкретный наблюдатель был владельцем всего, находящегося в поле зрения.

– А сейчас я уступаю это место важному человеку, – пообещал мэр, отвлекая внимание Гордона от одинокой тени на балконе. Сердце комиссара упало, и он пожалел, что не успел подкрепиться еще одним крепким напитком. Он без энтузиазма возился с листами бумаги, разложенными перед ним, еще раз просматривая свою написанную от руки речь. Он выстрадал каждое слово, но все еще не был уверен, что у него хватило смелости прочитать их вслух.

Затем он приготовился к тому, что должно было прийти.

«Я действительно собираюсь пройти через это?» – спросил он себя. – *После всех этих лет?»*

– Комиссар.

Бодрый голос вторгся в его мысли. Гордон поднял голову и увидел конгрессмена Байрона Гилли, пробирающегося к бару. По румяному цвету лица мужчины Гордон догадался, что

Гилли уже выпил один бокал или два... или три. Он был коренастым человеком и очень обеспеченным. Одна его стрижка, вероятно, стоила больше, чем недельная зарплата полицейского.

– Конгрессмен.

Гилли огляделся вокруг. Ухоженные газоны и сады, украшенные изящными каменными фонтанами и скульптурами, стали местом ежегодного празднования.

– Когда-нибудь видели Уэйна на подобных мероприятиях?

Гордон решил не упоминать фигуру на балконе. Он покачал головой.

– Никто не видел, – вмешался третий собеседник. – Уже очень давно. – Питер Фоули, заместитель комиссара Гордона, присоединился к ним в баре. Настоящая восходящая звезда, он был на пять лет моложе Гордона, но уже сделал себе имя в деловой части города. Энергичный и ухоженный, с густыми каштановыми волосами, еще не тронутыми сединой, он носил свой английский костюм комфортнее, чем Гордон, чей наряд был уже помят, несмотря на вялые попытки изысканно одеться для мероприятия.

Гордон посмотрел на свою одежду и поморщился. Было время, когда его жена следила за тем, чтобы он выглядел презентабельно в таких случаях. Но опять же времена изменились.

Голос мэра вещал с трибуны:

– Он может рассказать вам о прежних плохих деньках, – продолжил он, очевидно, не спеша покидать центр внимания. – Когда преступники и коррупционеры управляли этим городом такой жесткой хваткой, что люди верили бандиту-убийце в маске и плаще. Бандиту, показавшему свою истинную натуру, когда он предал доверие этого великого человека. – Он повернулся к большому цветному портрету Дента. – И хладнокровно его убил.

Не обращая внимания на речь мэра, Гилли ухмыльнулся, заметив привлекательную молодую официантку, проскочившую мимо них с подносом канапе. Черная униформа горничной, в комплекте с выглаженными белым фартуком, манжетами и воротником, подчеркивала достоинства стройной фигуры брюнетки. Она замерла, когда конгрессмен грубо схватил ее за задницу.

– Милая, – отругал он ее. – Не убегай с едой так быстро.

Она повернулась к нему лицом, ловко вырываясь из его рук. Непроницаемая улыбка не соответствовала негодованию, скрывавшемуся за ее большими карими глазами. Она протянула поднос.

– Креветочные шарики?

Гордон подавил ухмылку.

Смешок раздался над хорошо причесанной головой Гилли, когда он выхватил пару закусок и сунул их в рот. Официантка быстро удалилась, но Гордон не мог ее винить. Конгрессмен он или нет, Гилли нужно было держать руки при себе.

– Джим Гордон, – объявил мэр, – может рассказать вам правду о Харви Денте...

Разговаривая с полным ртом, Гилли кивнул на листы бумаги, которые просматривал Гордон.

– Иисусе, Гордон, это твоя речь? – пробормотал он, извергая крошки. – Мы останемся здесь на всю ночь.

Гордон поспешно свернул бумаги.

– Может быть, правда о Харви не так проста, конгрессмен.

– ...но позволю ему рассказывать самому, – закончил мэр. Он отошел от трибуны. – Комиссар Гордон?

И снова раздались аплодисменты собравшихся на вечеринку.

«Это моя реплика», – угрюмо подумал Гордон. Он выпил напоследок и направился к трибуне, чувствуя себя осужденным преступником, приближающимся к виселице. Он подошел к микрофону и вытащил бумаги со своей речью, хотя его и одолевали сомнения.

– Правду?.. – начал он.

Нежелательное, уродливое воспоминание вспыхнуло у него в голове. Он увидел Харви Дента таким, каким запомнил его в действительности. Левая половина лица Дента была сожжена, оставив вместо себя отвратительное мессиво из обугленных мышц и рубцовой ткани. Налитый кровью глаз, пылающий безумием, выпученный из голой глазницы. Через рваную щель в щеке блестела обнаженная челюсть, а полоска ободранного хряща тянулась вертикально над тем, что осталось от улыбки Харви.

Наоборот, правая сторона его лица осталась такой же красивой, как и всегда.

Харви больше не был окружным прокурором-борцом с преступностью, когда угрожал маленькому мальчику заряженным пистолетом. Мальчик, драгоценный сын самого Гордона, дрожал в лапах сумасшедшего, смело стараясь не плакать, даже когда Гордон отчаянно умолял сохранить жизнь своему ребенку.

Дент невозмутимо подбросил монетку...

Гордон вытеснил ужасное воспоминание из своего разума. Он смотрел на публику, задаваясь вопросом, готовы ли они наконец услышать то, что он хотел сказать. Портрет Харви, портрет героя, тихо маячил позади него. Гордон обдумывал свои варианты и свои мотивы. Стоит ли очищать свою совесть, рискуя всем, что было сделано во имя Харви?

– *Я уже* написал речь, рассказывающую правду о Харви Денте, – признался Гордон, решаясь. Он сложил свои бумаги и засунул их в нагрудный карман своего пиджака. – Но, возможно, сейчас не подходящее время.

– Слава Богу, – пробормотал Гилли в баре, чуть громче, чем следовало.

– Пожалуй, все, что нужно знать, – сказал Гордон, – это то, что в тюрьме Блэкгейт содержатся тысяча заключенных, и это прямое следствие «Акта Дента». Это жестокие уголовники, важнейшие винтики в машине организованной преступности, которая так долго терроризировала Готэм. Наверно, все, что я сейчас должен сказать о смерти Харви Дента, – это было не зря.

Толпа восторженно хлопала: все, кроме фигуры на балконе, которая молча отвернулась и скрылась в верхних этажах особняка. Наблюдая за ним краем глаза, Гордон видел, как он исчез.

«Не могу его винить», – подумал Гордон. – *Я не сказал ничего стоящего».*

Чувствуя себя трусом, он отступил от трибуны. Сомнения последовали за ним, как и каждый день в течение восьми долгих лет. Правильно ли он поступил? Или он просто струсил?

Он нашел Фоули в баре.

– Отчеты второй смены готовы? – спросил Гордон.

– Они у вас на столе, – заверил его Фоули. – Но вам бы почаще общаться с мэром.

Гордон фыркнул:

– Это по твоей части. – Фоули лучше работал в мэрии и наглаживал эго политиков. Гордон же отдавал предпочтение старомодной полицейской работе.

Бросив последний печальный взгляд на портрет на трибуне, комиссар решил, что в этом году он выполнил свою роль в Дне Харви Дента. Поэтому он направился к гравийной дороге перед особняком, где длинный ряд безупречных лимузинов ждал своих могущественных и / или богатых пассажиров. Он не мог дождаться пока уберется отсюда.

С каждым годом это становилось все труднее.

А позади него, в баре, конгрессмен качал головой, видя внезапный отъезд Гордона. Он не мог поверить, что этот тупой болван на самом деле отказывается от такой шикарной вечеринки ради возвращения на работу. Особенно сейчас, когда война с преступностью уже выиграна.

– Кто-нибудь показал ему статистику преступлений? – спросил он.

Фоули пожал плечами.

– Он доверяет своей интуиции, а она беспокоит его в последнее время, несмотря на числа.

– Жена должно быть в восторге, – сдался Гилли. Его собственная дражайшая половина очень удачно осталась дома, мучимая мигренью.

– Не совсем, – ответил Фоули. – Она забрала детей и переехала в Кливленд.

– Ну, скоро у него будет достаточно времени для визитов. – Гилли понизил голос до заговорщического шепота и наклонился к молодому человеку. – Весной мэр уволит его.

– Неужели? – Фоули был удивлен откровением, или, по крайней мере, сделал вид. – Он герой.

– Герой *войны*, – ответил Гилли. – А сейчас мирное время. – Он ткнул Фоули в грудь. – Будь умницей и работа твоя.

Позволяя Фоули обдумать свои слова, Гилли огляделся вокруг. Теперь, когда все речи наконец были произнесены, вечеринка набирала обороты. В отличие от Гордона, у него были дела поважнее, чем работать по ночам.

«Эй, – подумал конгрессмен, – куда подевалась та симпатичная девица в костюме служанки?»

Она все еще чувствовала хватку конгрессмена на своей заднице. Ее ярость возросла при одном воспоминании: «*Ему повезло, что я не преподала ему болезненный урок хороших манер*».

Кухня особняка давала временное убежище от требовательных гостей на лужайке. Небольшая армия официантов, поставщиков и поваров, расположившаяся по всей просторной территории, работала сверхурочно, чтобы гости были по-королевски накормлены и напоены. Отложив свой пустой поднос, она погрузилась в шумную деятельность, сливаясь с остальным обслуживающим персоналом. Никто не приглядывался к ней.

«Пока забудь про конгрессмена, – напомнила она себе. – *Сосредоточься*».

Она подслушала маленькую группу служанок, сплетничающих в углу.

– Говорят, он никогда не покидает восточное крыло.

– Я слышала, что он попал в аварию, что он изуродован.

Другой слуга поспешно сделал им знак заткнуться. Вся болтовня умерла, когда на кухню вошел утонченный джентльмен в форме дворецкого. Его серебристые волосы дополняли его благородные, изможденные черты лица.

«*Альфред Пенниурт*, – узнала она его. – *Верный слуга семьи*».

– Мистер Тилл, – обратился он к главному поставщику. Интеллигентный британский акцент выдавал его происхождение. – Почему ваши люди пользуются главной лестницей?

Мистер Тилл пробормотал извинения, которые она не удосужилась выслушать. Вместо этого она внимательно наблюдала, как Пенниурт ставит стакан с пресной водой на поднос рядом с множеством накрытых тарелок и блюд. Дворецкий осмотрел кухню.

– Где миссис Болтон?

Служанка бойко шагнула вперед.

– Она в баре, сэр, – сказала она. – Могу ли я вам помочь?

Он вздохнул, как будто не совсем довольный сложившейся ситуацией, но протянул ей поднос и старомодный латунный ключ.

– Восточная гостиная, – проинструктировал он. – Открой дверь, поставь поднос на стол и снова запри дверь. – Он помолчал для усиления эффекта. – И ничего больше.

Она покорно кивнула опущенной головой и взяла ключ.

Выскользнув из кухни, прежде чем что-то пошло не так, она прошла через гигантский особняк к восточному крылу. Строгие белые стены и тяжелые шторы придавали дому холодный, неприветливый вид. Гул вечеринки постепенно угасал, пока она удалялась от празднования. Она не могла не заметить ценный антиквариат, гобелены и картины, украшающие залы, а также то, насколько безмолвным и безжизненным казалось это место. Скорее музей, чем дом.

Большая дубовая дверь закрывала вход в крыло. Она использовала ключ, и дверь распахнулась перед ней, открывая богато обставленную гостиную, которая была, вероятно, в два раза больше ее жалкой квартиры в Старом городе. Она знала, что мебель ручной работы из

красного дерева изначально была деревьями на плантациях Уэйна в Белизе. Роскошная фарфоровая посуда, вазы и другие безделушки украшали полку большого незажженного камина. Несмотря на богатство, комната была слабо освещена и тиха, как гробница.

«Точно не особняк «Плэйбой», – отметила она. – Все эти старые деньги просто пропадают впустую».

Она огляделась вокруг, но не увидела никого, даже знаменитого затворника, хозяина дома. Поставив поднос на полированный стол из дерева грецкого ореха, она даже *не* вышла из комнаты в соответствии с инструкциями. Вместо этого ее взгляд остановился на внутренней двери в другой части комнаты. Ее удобно оставили приоткрытой.

Она злорадно улыбнулась.

Насколько это было идеально?

Глава третья

– Простите, мисс Тейт, я пытался. Он не может вас принять.

Альфред задержался в коридоре, чтобы поговорить со стильной молодой женщиной, которая пыталась заручиться его помощью. Миранда Тейт, член совета директоров «Уэйн Энтерпрайзес», была, вероятно, самым привлекательным управляющим, с которым Альфред столкнулся за многие десятилетия работы. Блестящие темные волосы обрамляли классически красивое лицо. Поразительные серо-голубые глаза сияли умом и решительностью.

– Это важно, мистер Пенниурт, – настаивала она. В ее голосе звучал слабый акцент, который дворецкий не мог понять, несмотря на свои активные путешествия по Европе и другим местам.

– Господин Уэйн полон решимости игнорировать как важное, так и обычное, – с оттенком сухой иронии ответил он.

Иронический смех прервал их разговор. Джон Даггетт подошел к ним, самодовольный и противный – как обычно. Деловой магнат, унаследовавший процветающую строительную компанию, мог похвастаться тщательно уложенными каштановыми волосами, способными опозорить Дональда Трампа. Его сшитый на заказ костюм с трудом сдерживал его большое самонадеянное мнение.

– Не принимайте это на свой счет, Миранда, – сказал он ей. – Все знают, что Уэйн спрятался там с восьмидюймовыми ногтями и пишет в стеклянные банки. – Обернувшись, он с опозданием добавил: – Альфред... как мило с вашей стороны пригласить меня.

Дворецкий не сделал ничего, чтобы скрыть свое отвращение. Даггетт был воплощением жадности и пошлости – совсем не то, что Уэйны, которые всегда использовали свое богатство для улучшения окружающего мира.

– «Акт Дента» касается Готэма, – ровно ответил Альфред. – Даже вас, мистер Даггетт. – Он вежливо склонил голову к Миранде. – Мисс Тейт, всегда приятно вас видеть. – Он простился с ними, но не мог не услышать их голоса, когда они эхом отозвались по коридору. Альфред остановился на некотором расстоянии и повернулся посмотреть.

– Зачем тратить свое время, – спросил Даггетт Миранду, – пытаясь поговорить с человеком, который тратит ваши инвестиции на какой-то бесполезный проект спасения мира. – Его голос был полон насмешки. – Он не сможет помочь вам вернуть ваши деньги. А я могу.

Она ответила холодно.

– Я могла бы попытаться объяснить, что проект по спасению мира, тщетный или нет, стоит любых инвестиций. Я могла бы попытаться, мистер Даггетт, но вы признаете только деньги и ту власть, которую, как вы думаете, они покупают. Так, и в самом деле, зачем тратить свое время? – Она развернулась и оставила его стоять в холле. Хмурясь, он смотрел ей вслед.

«Браво, мисс Тейт, – подумал Альфред. – Браво».

Брюс Уэйн вырос в поместье Уэйнов, по крайней мере, в его первоначальном воплощении, поэтому он едва заметил роскошный декор гостиной, когда хромал к своему обеду. Единственный оставшийся наследник состояния Уэйнов тяжело оперся на деревянную трость, поддерживая поврежденную левую ногу.

Его лицо было изможденным и напряженным. Темные круги залегли под глазами. Следы седины пропитали темные волосы на висках. Мятый шелковый халат был накинут на опущенные плечи. Его ноги, обутые в тапочки, бесшумно ступали по полу.

Соблазнительный аромат поднимался от подноса с обедом. Брюс поднял крышку, любопытствуя, что Альфред придумал этим вечером, но застыл на середине движения. Его взгляд

переместился с подноса на открытую дверь, ведущую в гостиную. Это всего лишь игра его воображения, или дверь была чуть более приоткрыта, чем раньше?

Холодные карие глаза подозрительно сузились.

«Интересно, – подумал он. – Что у нас тут?»

* * *

Гостиная была так же дорого обставлена, как и остальная часть особняка. Несмотря на срочный характер своего задания, она не смогла удержаться, чтобы все разведать.

«Осторожно, – предупредила она саму себя. – Не теряй зря времени».

Ряд фотографий в рамках, некоторые заметно обгоревшие по краям, занимали почетное место на столе. Она узнала Томаса и Марту Уэйнов, трагически убитых в переулке более трех десятилетий назад. В третьем кадре был портрет привлекательной брюнетки, которая каким-то образом умела выглядеть серьезно, даже улыбаясь в камеру.

«Рэйчел Доуз, – поняла подготовленная служанка. – Мертвая подруга Харви Дента. Убита Джокером, или так говорят, незадолго до того, как Дент был убит Бэтменом».

Ряд фотографий был похож на миниатюрное кладбище с надгробиями. Прислуга провела пальцами по позолоченным рамкам, прежде чем перейти к самой заметной странности в комнате – полноразмерной мишени для стрельбы из лука, прикрепленной к большому деревянному шкафу. Более дюжины стрел застряли в центре, собравшись в группу вокруг мишени. Заинтригованная, она потянулась было, чтобы осмотреть одно из них, как сразу же отдернула руку назад, когда новая стрела *вонзилась* в мишень, всего в нескольких дюймах от ее пальцев.

Вздвигнув, она обернулась и увидела самого Брюса Уэйна, выглядевшего более изможденным, чем блистательный плейбой-миллиардер, которого помнил мир. Он стоял в другом конце комнаты, сжимая большой композитный лук. Против воли, она была под впечатлением.

Она не могла припомнить, когда в последний раз кто-то подкрался к ней.

Брюс опустил лук. Он отложил его в сторону и поднял свою трость.

– Мне... мне ужасно жаль, мистер Уэйн, – застенчиво запнулась служанка. Она показалась ему очень молодой и смущенной. – Вы же мистер Уэйн, не так ли?

Он кивнул и захромал к ней.

– Хотя у вас нет длинных ногтей, – нервно бормотала она, – или шрамов на лице... – Она умолкла.

Брюс осматривал любознательную молодую незваную гостью. Он не узнал в ней одну из постоянных служанок. *«Должно быть, временная сотрудница, приглашенная для сегодняшнего праздника, – подумал он. – Не смогла удержаться и все разнюхать».*

– Вот что они говорят обо мне? – спросил он.

Она пожала плечами:

– Только... что никто давно вас не видел.

«В этом-то и смысл», – подумал он.

Безупречное жемчужное ожерелье украшало ее стройную шею. Брюс подошел ближе.

– Красивое кольцо, – прокомментировал он. – Напоминает то, что принадлежало моей матери. Хотя это не может быть оно. Ее жемчуг в этом сейфе...

Большое бюро из красного дерева упиралось в стену. Он использовал свою трость, чтобы надавить на утопленную деревянную панель, которая отодвинулась, открывая скрытое отделение.

– ...который, как заверил меня производитель, нельзя взломать.

Дверца сейфа распахнулась.

– Упс, – удивилась служанка. – Никто не сказал *мне*, что его нельзя взломать.

Все ее поведение изменилось в одно мгновение. Она прекратила вести себя как застенчивая девушка и приняла более дерзкую, уверенную позу. Это напомнило ему о том, как он сам в прежние времена отказывался от роли неосторожного, незрелого плейбоя всякий раз, когда наступало время раскрыть его истинное «я». Против воли, он был впечатлен.

Брюс кивнул на жемчуг.

– Боюсь, я не могу позволить вам взять его. – Это был подарок отца, который мать надела в ночь, когда их обоих убили. В самом прямом смысле они стоили его родителям жизни. Он никому не мог позволить уйти с жемчугом.

– Слушайте, – улыбнулась она, подходя к нему, совсем не обеспокоенная тем, что ее поймали с поличным. Она оценила его взглядом. – Вы не станете драться с женщиной, а я не посмею бить калеку...

Без предупреждения она вышибла трость у него из руки. Прием карате по плечам повалил его на пол. Его больное колено протестующе закричало, когда он ударился о ковер. Брюс сжал поврежденный сустав.

– Конечно, – добавила она, – иногда нужно делать исключения.

Движением, достойным олимпийской гимнастки, она запрыгнула на бюро, забирая с собой жемчуг. Высокое окно обеспечило ей легкий путь отхода. «Спокойной ночи, мистер Уэйн», – поддразнила она, прежде чем откинуться назад в сальто. Брюс услышал ее легкое приземление в саду снаружи.

Поднимаясь на ноги, он усмехнулся, позабавленный выдержкой женщины. Не обращая внимания на привычные приступы боли, он использовал здоровую ногу и плавно поднялся. Но его лоб нахмурился, когда он внимательнее присмотрелся к взломанному сейфу.

Что это за порошок на дверце?

«Забавы забавой, – подумала она, – но давай не будем злоупотреблять гостеприимством».

Вечеринка подходила к концу. Вырвавшись из здания, девушка не теряла времени, направляясь к очереди лимузинов, ожидающих на подъездной дороге. По пути она ловко сняла свой белый фартук, манжеты и воротник прислуги, выбросив эти ранее удобные кусочки камуфляжа в разные листовые насыпи кустарника.

Когда она дошла до машины, камердинеры увидели потрясающую молодую женщину в маленьком черном платье и жемчуге. Один из молодых людей бросился ей на помощь.

Она быстро оглядела ряд лимузинов и нашла именно тот, который искала. Указала на него камердинеру, который любезно открыл ей дверь. Поблагодарив его, она села в машину рядом с конгрессменом Гилли, который выглядел одновременно пораженным и восхищенным ее неожиданным появлением. Точно так, как она планировала с момента их встречи.

– Могу я прокатиться? – промурлыкала она.

Он смотрел так, словно она была просто еще одним вкусным кусочком, который он мог съесть. Будучи изрядно навеселе он невнятно ответил:

– Вы читаете мои мысли.

Машина отъехала от дома и направилась к воротам.

Альфред обнаружил Брюса, стоящего на коленях перед спрятанным сейфом, а его трость лежала на полу в нескольких футах от него. Дворецкий гадал, что же ищет его беспокойный работодатель.

– Мисс Тейт снова просила о встрече с вами, – сообщил он.

Брюс не поднял от сейфа глаз.

– Она очень настойчива.

– И довольно мила, – заметил Альфред. – На случай, если вам интересно.

– Неинтересно.

Альфред вздохнул. Это был именно тот ответ, которого он ожидал. *«Простите, мисс Тейт, – подумал он. – Я пытался».*

Его обязательство перед Мирандой Тейт выполнено, хотя безрезультатно, и он обратил свое внимание на текущее занятие своего работодателя.

– Что делаете?

– Исследую порошок для снятия отпечатков, – кратко сказал Брюс. – Нас ограбили.

Альфред был поражен новостями. Безопасность поместья Уэйнов была самой современной, и даже больше. Их никогда раньше не грабили.

– И это ваш способ поднять тревогу? – спросил дворецкий.

Уэйн только пожал плечами:

– Она взяла жемчуг, – ответил он. – С «маячком».

Альфред вспомнил о мерах предосторожности, которые Брюс предпринял, чтобы защитить жемчуг своей покойной матери. Бедная миссис Уэйн носила эти жемчужины в ту ночь, когда она и ее муж погибли. Будет трагедия, если их не обнаружат.

Затем он понял...

– Она?

– Одна из служанок. – Брюс искоса посмотрел на Альфреда. – Возможно, вам следует прекратить пускать их в эту часть дома.

– Возможно, вам стоит научиться самому заправлять постель. – Он наклонился и посмотрел через плечо Брюса. – Зачем вы использовали порошок?

– Это не я, – ответил Брюс. – А она.

Глава четвертая

Крыша полицейского штаба стала личным убежищем комиссара Гордона, вдали от непрерывных телефонных звонков, электронных писем, факсов, собраний и бюрократии, которые сопровождали эту работу. Ему нравилось думать, что он делал свою лучшую детективную работу здесь, где мог сосредоточиться, не отвлекаясь – по крайней мере, некоторое время.

В ясные ночи, подобные этой, с крыши открывался хороший вид на центр города, мосты и прилегающие острова. Город казался тихим, но Гордон знал, что вид может быть обманчив. Кто знал, что происходит за закрытыми дверями и в темных переулках? Пусть политики хвалятся, что навсегда очистили Готэм. Гордон слишком долго был полицейским, чтобы принять что-либо как должное. Преступность никогда не спала, поэтому он тоже не мог себе этого позволить.

Особенно сейчас, когда его больше не поддерживал Темный рыцарь.

Гордон зевнул. Было уже поздно, но он не спешил возвращаться в свою удручающе пустую квартиру. Иногда он гадал, зачем она ему вообще нужна: так или иначе он практически жил в штабе полиции, или так всегда жаловалась Барбара. Ударив толстой пачкой дел о ближайший воздуховод, чтобы стряхнуть пыль, он оперся на перила, чтобы читать. Разбитый бэт-сигнал, разъеденный ржавчиной, стоял забытый в нескольких ярдах. Гордон лично разбил его кувалдой почти восемь лет назад. Но у него никогда не хватало духу убрать его.

Возможно когда-нибудь...

– Сэр? – Молодой офицер в форме присоединился к нему на крыше. Он неуверенно приблизился к Гордону. – Я не хотел беспокоить вас здесь, но они ищут вас.

Гордон оторвался от отчетов.

– В чем проблема, сынок?

– Жена конгрессмена Гилли звонила. Он так и не вернулся домой с мероприятия «Фонда Уэйна».

Гордон вспомнил, как Гилли лапал эту бедную служанку. Может быть, он нашел более сговорчивую игрушку.

– Это работа для полиции? – спросил он.

– Сэр, – сказал молодой офицер, – я полицейский уже год, но арестовал всего полдюжины человек. Когда вы с Дентом чистили улицы, вы сделали это на совесть. – Он пожал плечами. – Довольно скоро мы будем гоняться за книгами, не сданными вовремя в библиотеку.

Гордон улыбнулся. Он оценил искренность молодого офицера.

– И все же вы здесь, сэр. – Он указал на большую стопку дел, которые Гордон держал в руках. – Как будто мы все еще на войне.

– Старые привычки, – сказал Гордон.

– Или инстинкт?

Гордон услышал что-то в голосе молодого человека и внимательно на него посмотрел. Это был рослый и сильный мужчина с короткими аккуратно подстриженными темно-каштановыми волосами. Он казался потрясающе молодым и розовощеким, но Гордон узнал голодный взгляд в глазах юноши и упрямый подбородок – рвение и любопытство, которые Гордон помнил по своим ранним годам службы патрульным в Чикаго.

– Как тебя зовут, сынок?

– Блейк, сэр.

Гордон отложил файлы.

– Вы хотите что-то у меня спросить, офицер Блейк?

Блейк помедлил, затем выложил.

– О той ночи, – сказал он нетерпеливо. – *Той* ночи, восемь лет назад. Ночи, когда погиб Дент.

– И что?

– Тогда последний раз видели Бэтмена, – сказал Блейк. Он покачал головой, как будто что-то не складывалось. – Он убивает тех людей, убирает две группы захвата, ломает шею Денту, а затем просто исчезает?

Официально, мститель в маске, известный как Бэтмен, был обвинен в убийстве пяти человек, включая двух полицейских и видного босса мафии. Только Бэтмен и Гордон знали, кто действительно ответственен за эти убийства. Или как на самом деле умер Харви Дент.

– Я не слышу вопроса, сынок.

Блейк замялся, но продолжал настаивать:

– Разве вы не хотите узнать, кем он был?

– Я *точно* знаю, кем он был. – Гордон подошел к разбитому прожектору, провел пальцем по ржавой раме. Когда-то давно линза была способна проецировать зловещий крылатый силуэт на ночное небо. Это был сигнал, который позволял хорошим людям в Готэме знать, что кто-то присматривает за ними, и он же держал в страхе плохих людей. – Он был Бэтменом.

Блейк выглядел разочарованным ответом Гордона, но был достаточно умен, чтобы не спорить со своим боссом. Гордон не мог винить Блейка за то, что тот хотел получить ответы. Тайна Бэтмена оставалась неразгаданной уже почти десять лет. Блейк, вероятно, вырос на этой легенде и ее ужасном финале.

«*Время сменить тему*», – подумал Гордон. Он прошел мимо Блейка и направился к лестнице:

– Поехали навестим жену конгрессмена.

* * *

Солнечный свет проникал сквозь плотные шторы на окнах спальни. Альфред вошел с завтраком на подносе и с удивлением обнаружил, что кровать не занята. На самом деле, она выглядела так, как будто на ней вообще не спали.

– Мастер Брюс?

Ответа не было. Озадаченный, он исследовал восточное крыло, но не нашел никаких признаков своего неуловимого работодателя. Его осенило, что Брюс может быть еще в одном месте, хотя прошло уже много месяцев – как минимум – с тех пор, как Брюс отважился туда войти. Альфред нахмурился и гадал, было ли это хорошим знаком.

Деревянные книжные шкафы выстроились в ряд вдоль стен кабинета. Античный глобус стоял на полированном столе из красного дерева, недалеко от рояля, похожего на тот, на котором мать Брюса часто играла до своей трагической гибели. Альфред взглянул на один конкретный книжный шкаф и подошел к пианино.

Он сыграл определенную, довольно сложную последовательность из трех нот на чернобелых клавишах. В ответ часть шкафа размером с дверь открылась наружу, обнажив скрытый лифт. Долгое время неиспользовавшиеся дверные петли слегка скрипели. Он сделал мысленную пометку позже смазать их.

Может быть, Брюс спустился... вниз?

Альфред поехал на лифте вниз, обеспокоенный тем, что может там найти. Он давно надеялся на нечто, что сможет стряхнуть тревогу Брюса и побудить его вновь войти в мир, но вовсе не был уверен, что ответ на его молитвы должен быть найден здесь.

В Бэт-пещере.

Обширные пещеры когда-то использовались для укрытия сбежавших на север рабов. Влажные известняковые стены блестели под приглушенным внутренним освещением, которое

Брюс установил много лет назад. Мелкая, медленная река – все, что осталось от подземного водного пути, который вырезал пещеры в прошлом. Массивные деревянные арки, высоко над головой, поддерживали фундамент особняка.

Множество североамериканских коричневых летучих мышей сидели среди зубчатых stalactites, свисающих с потолка. Возвышающиеся колонны кальцита поднялись на сотни футов в высоту. Летучие мыши скрипели и шумели наверху.

«Грязные животные», – подумал Альфред.

Он спустился по каменной рампе к бетонному полу главного грота, где прямо впереди вырисовывалась серия темных сланцевых обелисков. Пешеходный мост вел через реку туда, где Брюс сидел на главной компьютерной станции, на вершине большого сланцевого куба. Большой монитор с плоским экраном высокой четкости доминировал на стене перед ним. Семь связанных суперкомпьютеров «Крэй» тихо гудели, обеспечивая хранение данных и вычислительную мощность, способные опозорить АНБ. Взгляд Брюса был прикован к экрану, пока его пальцы танцевали по клавиатуре. Его трость упиралась в кресло.

Он не отвлекся, даже когда Альфред подошел к нему сзади.

– Вы давно не были здесь, – заметил дворецкий.

– Просто пытаюсь узнать больше о нашей похитительнице драгоценностей, – ответил его работодатель. – Я проверил ее отпечатки с фотографий, которые она держала в руках. – С этими словами он вывел на экран фото крупным планом. Лицо на фотографии принадлежало хмурому бандиту, подозреваемому в вооруженном ограблении, с залысинами, двойным подбородком и пессимистической трехдневной щетиной. Он мало походил на вороватую «служанку», с которой они ненадолго встретились прошлой ночью.

– Она использовала чужие отпечатки пальцев, – объяснил Брюс с оттенком неохотного восхищения в голосе. – Она хороша.

– Что ж, может быть, – уступил Альфред. – Но у нас еще есть «маячок» на колье.

– Да, верно, поэтому я сопоставил адрес, куда она вернулась, с данными полиции о последних высококлассных «ВсП».

«Взломах с проникновением», – мысленно расшифровал Альфред. Его беспокоило то, что Брюсу был отлично известен жаргон правоохранительных органов. Это не та область знаний, которую он выбрал бы для милого маленького мальчика, каким когда-то был Брюс. – *Твой отец был врачом*.

Его работодатель нажал еще одну кнопку, и появилось новое фото. На этот раз Альфред узнал юную леди, хотя выглядела она не так скромно, как он помнил. Появилась сделанная систематической обзорной фоторазведкой фотография, запечатлевшая привлекательное лицо, украшенное поразительными карими глазами и гладкими каштановыми волосами. Это лицо стоило запомнить.

– Селина Кайл, – сказал Брюс. – Пока без судимостей, но базы данных полны информации, в том числе наводок от скупщиков краденого.

На экране вспыхнул монтаж газетных заголовков:

Кошка снова нападает
Полиция подозревает «ГРАБИТЕЛЯ-кошКУ» в ПОХИЩЕНИИ
ДРАГОЦЕННОСТЕЙ
ГРАБИТЕЛЬ ПЕНТХАУСОВ ОСТАВЛЯЕТ Улики
МУЗЕЙ ИСКУССТВА – ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА «КОШКИ»?

Альфред кивнул. Он узнал некоторые заголовки из утренних газет. Череду громких ограблений отличала смелость и исполнением. Он думал, что поместье Уэйнов защищено от грабителей, но эта мисс Кайл доказала обратное.

– Она хороша, – повторил Брюс, – но земля горит у нее под ногами.

«*Наши преступления всегда догоняют нас*», – подумал Альфред. В памяти возник запах горящего письма, напоминая, что и у него есть несколько собственных секретов.

– Мы должны отправить за ней полицию, прежде чем она продаст жемчуг.

– Она не сделает этого, – сказал Брюс. – Он ей слишком сильно нравится. И она пришла не за ним.

Альфред не понял.

– А за чем она приходила? – спросил он.

– За моими отпечатками пальцев, – заявил Брюс. – На сейфе была смесь печатного тонера с графитом. Сохраняет отпечатки, но незаметна.

– Очаровательно, – сухо сказал Альфред. – Возможно, вам стоит обменяться опытом за чашкой кофе.

Брюс наконец отвел взгляд от экрана.

– Теперь ты пытаешься свести меня с воровкой драгоценностей?

– В данный момент, сэр, я свел бы вас с шимпанзе, если бы думал, что это вернет вас в мир.

Лицо Брюса потемнело. Все следы легкомыслия исчезли из его голоса:

– Там для меня ничего нет.

– И в этом проблема, – сказал Альфред, надеясь, что сможет хоть раз достучаться. – Вы повесили плащ и маску на гвоздь, но даже не попытались все наладить, жить дальше. Встретить кого-нибудь...

– Я встретил кое-кого, Альфред. – Воспоминания о Рэйчел Доуз нависли над ним, как саван. Она была единственной женщиной, о которой Брюс по-настоящему заботился, пока Джокер жестоко не оборвал ее жизнь. С тех пор ее смерть в том взрыве преследовала его.

– Я знаю, – мягко сказал Альфред. – А потом потеряли ее. Это часть жизни, сэр. Но вы не живете, вы ждете. Надеетесь, что дела снова пойдут плохо.

На возможность еще раз выпустить на свободу Темного рыцаря.

Брюс не отрицал это. Он просто молча сидел за компьютером. Летучие мыши шумели над головой.

– Помните, как вы покинули Готэм? – продолжал Альфред. – До произошедшего. До Бэтмена. Семь лет вас не было. Семь лет я ждал, надеясь, что вы не вернетесь.

Брюс удивленно поднял голову. Замешательство появилось на его лице.

– Каждый год я брал отпуск, – пытался объяснить Альфред. – Я ездил во Флоренцию. На берегу реки Арно есть кафе. Каждый прекрасный вечер я сидел там и заказывал «*Ферне-Бранка*». У меня была фантазия, которой я часто предавался. Мне нравилось представлять, что однажды я взгляну через столики и увижу вас. Сидящего там с женой, возможно, с детьми. Вы бы мне ничего не сказали, но мы оба знали бы, что вы справились. Что вы счастливы.

На миг вспыхнуло мучительное воспоминание. Альфред вспомнил, как однажды заметил счастливую пару в нескольких столиках и – всего на мгновение или два – он действительно думал, что этот человек может быть Брюсом. Но затем мужчина повернулся к нему, показав лицо незнакомца.

Он ярко вспомнил горькое разочарование, которое он испытал в тот момент.

– Я никогда не хотел, чтобы вы возвращались в Готэм, – признался он. – Я знал, что здесь вас не ждет ничего, кроме боли и трагедии. А я желал для вас большего. – Он помедлил и сказал со всей искренностью. – И все еще желаю.

Больше сказать было нечего. Он повернулся и тихо покинул пещеру, оставив Брюса наедине с его неотступными идеями – и непрерывным шелестом летучих мышей.

Глава пятая

Очистные сооружения находились на окраине Готэма, недалеко от реки. Офицер Джон Блейк ожидал вони, но запах был скорее химическим, чем гнилостным. Толстые трубы и другие сосуды соединяли различные резервуары, насосы и бассейны. Приземистые, некрасивые здания были окрашены в унылый индустриальный зеленый цвет. Весь комплекс был предназначен для очистки зловонных выделений канализационных коллекторов Готэма перед сбросом излишков сточных вод в реку.

Или, по крайней мере, так было задумано. Блейк не хотел думать о том, насколько эффективен процесс.

Он и его напарник Тайлер Росс вышли из патрульной машины. Росс был азиатом-американцем чуть за двадцать, всего на несколько лет старше Блейка. Они были напарниками почти год, и Росс знакомил его с профессией. Блейк знал, что может рассчитывать на то, что напарник прикроет его спину.

Это было раннее утро, и впереди у них была долгая смена. Хотя осень только что наступила, морозный воздух предупреждал о скорой зиме. Начальник завода, парень средних лет по имени Дженкинс, привел их к длинному бетонному желобу, наполненному грязной водой. Поверхность покрылась жирной пленкой, а безжизненное тело растянулось на ржавой металлической решетке над резервуаром. По виду тело принадлежало молодому человеку.

– Они моются тут пару раз в месяц, – объяснял Дженкинс. – И чаще, когда становится холоднее. Бездомные, укрывающиеся в туннелях. Нам пришлось вытащить его, чтобы очистить резервуар, но больше мы его не трогали. – Он отступил, позволив полицейским приблизиться к трупу. – Они выходят из водосборного бассейна.

Блейк встал на колени, чтобы осмотреть тело, которое на вид принадлежало мальчику-подростку, самое большее семнадцать лет. Рваная, потертая одежда выглядела так, словно была сильно изношена еще до того, как тело попало в канализацию. Один кроссовок упал с ноги мертвого ребенка. Мертвые, стеклянные глаза смотрели в забвение. Блейк присмотрелся к лицу и замер.

«Вот дерьмо», – подумал он.

Росс заметил реакцию своего напарника:

– Что случилось?

– Его зовут Джимми, – сказал Блейк, чувствуя тошноту в животе. – Он из Сан Свитин, приюта для мальчиков, где я... иногда работаю тренером. – Это была не вся история, но Блейк не хотел сейчас ворошить прошлое. Даже вместе с Россом. Его горло сжалось.

Он сопротивлялся искушению закрыть Джимми глаза.

Приют Сан Свитин для мальчиков располагался в ветхом четырехэтажном здании, знавшем лучшие времена. Во всяком случае, оно казалось еще более захудалым, чем помнил Блейк. Выйдя из машины, он посмотрел на разрушающийся фасад дома. Воспоминания, хорошие и плохие, переполняли офицера. Он покачал головой, чтобы очистить свой разум, прежде чем идти внутрь. Сейчас он был не на работе, подбросив напарника обратно в участок.

Это он хотел сделать сам.

Он нашел отца Рэйли в том же загроможденном кабинете, который старый священник занимал годами. Как и у здания, возраст Рэйли давал о себе знать. Это был здоровенный ирландец с широким лицом, почти полностью облысевшим. Дети-сироты и брошенные дети, от малышей до подростков, бродили по залам за пределами кабинета, толкаясь и шутя друг с другом. Пронзительный смех перемежался случайной шумной ссорой. Поддержанная одежда передавалась от одного поколения сирот другому. Любопытные глаза заглядывали через дверь.

Рэйли закрыл дверь, чтобы уменьшить шум и придать их встрече некоторую долю конфиденциальности.

– Джимми не появлялся здесь несколько месяцев, – сказал священник.

Блейк сделал отметку в своем блокноте:

– Почему?

– Ты знаешь почему, Блейк. Он вырос. У нас нет средств, чтобы содержать ребят после шестнадцати лет.

Полицейский озадаченно посмотрел на Рэйли:

– «Фонд Уэйна» дает на это деньги.

Рэйли покачал головой.

– Не в последние два года.

«Я этого не знал», – подумал Блейк. Он был встревожен новостями, но в данный момент ему нужно было решить более насущные вопросы:

– У него здесь брат, верно?

Священник печально кивнул.

– Марк. Я ему скажу.

– Я бы хотел сам, если не возражаете.

После разговора с отцом Рэйли и обещания приехать снова, Блейк обнаружил Марка на детской площадке. Младшему брату Джимми было всего десять лет, но он принял известие о смерти брата с непроницаемым, каменным лицом и смирением человека, который уже перестал ждать от жизни справедливости.

Он закусил губу, отказываясь плакать.

– Прости, – сказал Блейк. Слова были совершенно неуместными.

Марк только кивнул и уставился в землю.

– Что он делал в туннелях? – спросил полицейский.

– Многие ребята уходят в туннели, когда вырастают, – прямо сказал мальчик. – Говорят, там можно жить. Говорят, там внизу работа.

Блейк почесал голову.

– Какую работу можно найти в коллекторах?

– Видимо, там ее больше, чем здесь.

Блейку не понравилось, как это прозвучало. Что бы Джимми ни делал в канализационных туннелях, это явно не обернулось для него добром.

И Блейк хотел знать почему.

Глава шестая

Бар был настоящей клоакой, как и многие другие в этой части Готэма. На заднем плане ревел музыкальный автомат, соревнуясь в громкости с резким смехом и грязными шутками. Вентиляторы на потолке вели обреченную на поражение битву с пепельным дымом, имевшим запах табака и других наркотиков. Крепкие на вид бывшие заключенные, хулиганы и байкеры играли в бильярд и ссорились из-за дровиков. Изнуренная официантка, выглядевшая старше своих лет, уклонялась от старавшихся ее схватить рук. Сигаретные окурки и ореховая скорлупа валялись на полу.

Над грязным зеркалом за стойкой бара располагался телевизор с выключенным звуком. Никто не обращал на него особого внимания.

Обычно Селина ни за что бы не пошла в такой грязный кабак, как этот, но у нее было важное дело. Она смело вошла туда, где ее облегающее черное платье и изящная фигура привлекли оценивающие похотливые взгляды и свист. Ее сопровождал шатающийся пьяный мужчина в вульгарной гавайской рубашке. С трудом способный стоять на своих ногах, он прижимался к ней и бессвязно пробормотал. Она отбила его потные лапы, которые, видимо, еще не усвоили урок. Его румяное лицо было небритым, опущенные глаза были налиты кровью и не сфокусированы. Она разместила его на барном стуле перед тем, как подойти к соседнему столу на назначенную встречу.

– Ты привела дружка? – недоверчиво спросил Филипп Страйвер. Он был мерзким типом с восковым цветом лица в костюме-тройке и казался явно неуместным в грязном заведении, хотя никто не был склонен уделять этому внимания. Его сомнительная репутация шла впереди него, даже в этом логове воров и головорезов. Он косо посмотрел на пьяного в баре.

– Мне нравится, когда кто-то открывает мне двери, – предложила она в качестве объяснения.

Она огляделась, разглядывая место. Наемные мускулы были рассредоточены по всему бару, как она и ожидала. Они даже не притворялись, что не наблюдают за ней. Открыв сумочку, она достала безымянный конверт и передала его Страйверу.

– Правая рука, – сказала она. – Полный комплект.

Не поверив ей на слово, он открыл конверт и достал гибкую прозрачную пластину. На свету на прозрачной пленке показались четыре отличных отпечатка пальца.

– Очень мило, – произнес он, прежде чем положить пленку обратно в конверт.

– Не так быстро, красавчик, – сказала она. – У тебя есть кое-что для меня?

Ухмылка осветила его обычно флегматичное выражение лица.

– О да.

Он подал сигнал головорезу, который двинулся запереть входную дверь. Другой громила присоединился к ним за столом и выхватил пистолет из-под своей дешевой спортивной куртки. Он пристально посмотрел на нее в явной попытке запугать.

Она не была поражена – или удивлена.

– Я не знаю, что ты собираешься делать с отпечатками Уэйна, – сказала она, – но, думаю, тебе понадобится его большой палец.

Страйвер удивленно моргнул. Ошеломленный, он вынул товар и проверил его снова. Его реакция была бесценна.

– Ты не силен в счете, да? – добавила она.

– Я хорошо считаю, – прорычал он. Он кивнул своему прихвостню, который вытащил пистолет и прижал к ее голове. – На самом деле, прямо сейчас я считаю до десяти.

Они схлестнулись взглядами через стол. Бандит поднял свой пистолет. Никто в баре даже намеком не выразил желания ее спасти, даже ее подвыпивший компаньон.

«Вот тебе и благородство, – подумала она. – Полагаю, это правда. Последний рыцарь Готэма в сияющих доспехах умер много лет назад».

– Ладно-ладно.

Она потянулась к своей сумочке, но была остановлена громкой, действительно протянувшего руку и самостоятельно доставшего ее телефон. Он подвинул его через стол своему боссу.

– Мой подруга ждет снаружи, – пообещала она. – Просто нажми «отправить».

Глядя на нее с подозрением, Страйвер поиграл с телефоном, прежде чем, наконец, сделать, как она говорила. Они подождали в тишине. Через несколько минут раздался стук в дверь. Головорез у двери осторожно выглянул, прежде чем отпереть ее и впустить миниатюрную блондинку, выглядевшую как старшеклассница. Кудри цвета льна падали ей за изящные плечи. Узкий топ и мини-юбка практически кричали *«соблазнительница»*. Ореховые глаза засияли, когда она увидела Селину за столом. Она подбежала и вытащила конверт.

Напряженная тишина охватила всех, как затишье перед бурей. Девушка растерянно огляделась.

– Местечко малостьдохлое, – сказала Джен, когда Селина взяла конверт.

– Оно оживет через минуту, поверь мне.

На Джен действовало общее напряжение:

– Все в порядке?

– Отлично, – солгала Селина. – Увидимся позже.

К ее облегчению, Страйвер отпустил девушку. Возможно, хотел избежать ненужных осложнений. Или, может быть, он просто любил блондинок. Взяв конверт у Селины, он осмотрел вторую пленку. На ней было безупречное изображение одного отпечатка большого пальца.

Страйвер удовлетворенно кивнул.

– Будет намного проще, – отметила она, – просто дать мне то, о чем мы договорились.

Он покачал головой.

– Мы не можем позволить себе оставлять следы. – Он с благодарностью оглядел ее. – И даже в этом платье никто не будет скучать по тебе.

– Да, – согласилась она. – А как же мой друг? – Она склонила голову к бару, где ее рассеянный «дружок» пускал слюни в миску с арахисом для коктейля. – Каждый полицейский в городе скучает по нему.

Как будто по команде, на экране телевизора с выключенным звуком отразился выпуск последних новостей. Заголовок появился под фотографией из предвыборной кампании одного видного местного политика.

РАЗЫСКИВАЕТСЯ ПРОПАВШИЙ КОНГРЕССМЕН

Изумленный Страйвер стрельнул взглядом с телевизора на пьяного и обратно.

– Остроумно, – сказал он, быстро приходя в себя. – Но они не будут искать его в таком месте.

– Ну не знаю, – возразила она. – Ты только что использовал его мобильный телефон.

Страйвер в ужасе уставился на телефон в руке. Он спешно вытирал его шелковым платком, даже когда – вдруг – весь полицейский департамент Готэма, казалось, стягивался к бару. Сирены закричали снаружи, заглушая музыкальный автомат. Сверху донесся шумный грохот вертолетных лопастей, который с каждым моментом становился все громче. Вращающиеся красные огни можно было увидеть сквозь задернутые оконные шторы.

Тормоза завизжали.

Сапоги загрохотали у двери.

Лицо Страйвера побледнело. Он посмотрел на окно. Очевидно, это не было частью его плана.

Она воспользовалась моментом: быстро двигаясь, ударила его головой о стол, затем схватила за руку большого громилу с пистолетом и опрокинула стол с кошачьей грацией и ловкостью. Прежде чем сбитый с толку головорез понял, что происходит, она использовала его пистолет и открыла огонь по другим бандитам. Раненые приспешники вскрикнули и упали на пол.

Селина ударила бандита пистолетом, вырубая его, и нырнула под стол. Как раз вовремя...

Отряд спецназа, – каждый боец в бронежилете полной защиты и безликом черном шлеме – вышиб двери. Они рассыпались по бару, лазеры автоматов скользили по помещению, наполненному дымом.

«Точно по графику», – подумала она.

Спрятавшись под столом, она закричала, как будто в ужасе. Спасатель в шлеме пришел ей на помощь.

– Все в порядке, мисс, – грубо сказал он. – Просто оставайтесь внизу.

Спецназовцы отступили из бара, преследуя Страйвера и его головорезов в глухом переулке, пока раненые хулиганы стонали и корчились на полу. Убедившись, что все чисто, она встала и пошла к двери. Ее слух привлекло хныканье, и она увидела конгрессмена Гилли, согнувшегося под стойкой бара и сжимающего ногу. Эта жалкая фигура была далека от самодовольного политика с фотографии из предвыборной кампании – неудивительно, что парни из спецназа еще не опознали его.

– Зажми крепче, милый, – посоветовала она ему и задержалась на минутку, чтобы поправить платье.

Замутненным взглядом он наблюдал, как она уходит.

– Позвонишь мне? – умолял он.

Блейк преследовал парней из спецназа, стремясь принять участие в действии. Красивая девушка в черном платье, выбегая из бара, врезалась прямо в него. Она выглядела испуганной.

– Там мужчина! – отчаянно сказала она, испуганно вздрогнув. – У него кровотечение!

Он сделал все возможное, чтобы успокоить ее.

– Все хорошо, мисс, – сказал он. – Все в порядке.

Ему не терпелось войти в бар, и задержка расстраивала его, но, тем не менее, он нашел время, чтобы привести обезумевшую молодую женщину в безопасное место, оставив ее у задней двери одного из припаркованных транспортных средств спецназа. Еще будет время принять ее заявление, но позже. Прямо сейчас конгрессмен был все еще не найден, и преступники могли уйти.

Вытянув пистолет, он помчался в бар, где его коллеги-офицеры уже окружили кучку растерянных и раненых подонков. У бара растянулся неаккуратный бомж: грязные брюки промокли от крови, волосы растрепались, от него несло выпивкой, а на лице была щетина.

– Помоги мне, – прошептал он.

Блейку потребовалось время, чтобы узнать пропавшего конгрессмена.

– Я нашел его, – сообщил он по рации на плече. Он еще раз быстро оглядел раненого политика. – Пуля в ногу, но он в порядке.

В волнении он совершенно забыл о девушке в черном платье.

Перестрелка вспыхнула в переулке позади бара. Злобные хулиганы, отчаянно пытавшиеся убежать, открыли огонь по командам спецназа, которые ответили огнем на поражение. Звук эхом отразился от грязных кирпичных стен переулка. Пули рикошетили от ржавых мусорных баков и контейнеров. Испуганные крысы разбежались в поисках безопасности. Разбитое стекло, окурки, шприцы, ампулы и другие осколки хрустели под пятнами бегущих полицейских и преступников.

Под разрывной мощью огневого прикрытия группа мошенников бросилась в еще более узкий проход.

Полицейская машина с дико вращавшимися тревожными огнями завизжала, останавливаясь и блокируя вход в переулок. Джим Гордон вышел из машины, размахивая своим верным пистолетом «Смит-энд-Вессон». Мятый коричневый плащ защищал его от ночного холода. Он поспешил взять на себя ответственность за ситуацию. Любой, кто нагло похитил конгрессмена, заслуживал его личного внимания.

Солдаты спецназа собрались в темном проходе, сосредоточившись по обоим углам, прямо за линией огня. Они обменялись условными сигналами рукой, беззвучно сосчитали, а затем завернули за угол, их винтовки были нацелены по всем углам. Гордон побежал за ними.

Он почти ожидал, что вооруженные преступники ждут в засаде, но вместо этого тупик оказался совершенно пустым. Только кучи мусора и непристойных граффити встретили его глаза. Высокая кирпичная стена, увенчанная колючей проволокой, перекрыла другой конец переулка.

«Что за дьявол? – подумал Гордон. – Куда они делись?»

В поисках противников солдаты посмотрели вверх, поднимая винтовки к шатким пожарным выходам, выходящим на сцену. Выстиранное белье висело, как флаги, хлопая на импровизированных бельевых веревках.

Но у Гордона появилась другая идея. Он осмотрел грязный, усыпанный мусором тротуар. – Люк! – крикнул он.

Чугунная крышка люка, примерно посередине переулка, выглядела немного сдвинутой. В ответ на крик Гордона двое солдат спецназа в бронежилетах вырвали тяжелый диск и откатали его в сторону, обнажив глубокую темную полость. Гордон выхватил фонарик у ближайшего спецназовца.

Луч прощупывал открытую шахту. Ржавая лестница спускалась глубоко под городские улицы. Острый запах доносился из канализации. Гордону показалось, что он слышал шаги, хлопающие по туннелям внизу. Разорванная паутина, недавно потревоженная, висела клоками.

– Вы трое, – приказал он стоящим рядом мужчинам, – вниз со мной. – Он взглянул на оставшихся солдат. – Вы двое, спускайтесь в следующий выход.

Мужчины неуверенно огляделись.

– А где?

«Черт, если б я знал», – подумал Гордон.

– Обратитесь в МВЭ... сейчас же! – Он хотел бы подождать кого-нибудь из Министерства водоснабжения и энергетики, но времени не было. Насколько он знал, люди, стоящие за похищением конгрессмена, спасались бегством. Он должен был пойти за ними.

Глубоко вздохнув, чтобы успокоить нервы, он отправился вниз во мрак, спускаясь по лестнице так быстро, как только могли выдержать его стареющие кости. Трое спецназовцев бросились за ним.

Гордон надеялся, что они не потеряются в туннелях.

Конгрессмена Гилли благополучно доставили в руки медиков, позволив Блейку присоединиться к преследованию. Он бросился через переулки за баром, пока не обнаружил большую группу полицейских, толпившихся вокруг открытого люка. Заместитель комиссара Фоули уже был на месте происшествия. Он посмотрел на часы.

– Где парень из МВЭ? – нетерпеливо проворчал Фоули.

Блейк протолкался сквозь группу полицейских. Он посмотрел в мрачную шахту.

– Они пошли туда? – спросил он.

Фоули кивнул.

– И Гордон взял с собой спецназ.

Канализация была сырой и темной, и в ней было трудно ориентироваться. Слизь покрывала осыпающиеся кирпичные стены. Крысы, ящерицы и другие паразиты сновали в тени. Гордон и его люди осторожно пробирались через вызывающие клаустрофобию туннели, следили за каждым своим шагом, пока проходили по скользким дорожкам для техобслуживания. Ржавым, шатким ограждениям нельзя было доверять. Нечистоты текли по бесконечным стокам, гнилостный запах переворачивал все внутренности Гордона. Желчь поднялась к горлу.

Он опустил пистолет и фонарик. Его глаза исследовали черную тьму. Его уши напряглись в попытке услышать, куда делись подозреваемые. На несколько разочаровывающих мгновений он испугался, что убегающие похитители ускользнули от них, но затем послышались несколько осторожных шагов впереди, прямо за углом.

Он дал знак людям позади него быть настороже. Адреналин бурлил в его венах, заставлял собраться. Ему нравилось это дополнительное преимущество. Прошло много времени с тех пор, как он участвовал в таком рейде.

Возможно, слишком много.

Конечно же, в ту минуту, когда они завернули за угол, их встретила яростная стрельба. Противогазы вспыхнули в тени. Пули врезались в стены, откалывая каменную кладку, полетевшую в лицо Гордону кусочками камня и строительного раствора. Тесные туннели усиливали громовой звук оружия, оглушая его. Резкий запах бездымного пороха соперничал с запахом канализации. Гордон и его люди отступили, ища укрытия, одновременно открывая огонь. В гнетущей темноте он даже не мог видеть, кто стрелял в них. Внезапно он позавидовал бронезиловым спецназовцев.

Где, черт возьми, наше подкрепление?

Внезапный взрыв осветил туннели позади них, отправляя спецназ в полет. Они врезались в стены, а затем упали в канализацию. Ошеломленный, но все еще стоящий на своих ногах, Гордон почувствовал палящий жар за спиной и, повернувшись, увидел ярко-оранжевое пламя, окутывающее туннели и рвущееся к нему. Бросившись к перекрестку впереди, он побежал по туннелям, отчаянно пытаясь убежать от адского пламени.

Дым и пламя преследовали его.

Оставив еще один поворот между собой и пламенем, он остановился, чтобы сориентироваться. Оставшись в одиночестве, сейчас он крепко сжимал пистолет. Он осел на влажную стену, тяжело дыша, и проверил, что во всей этой неразберихе не потерял свои очки. Его уши звенели от взрыва.

Рыхлый гравий захрустел где-то позади него. Он развернулся, но не достаточно быстро. Сильный удар обрушился ему на голову.

* * *

Огненный шар вырвался из открытого люка. Блейк и другие копы отпрыгнули назад, чтобы не обгореть. Крики испуга и проклятия сорвались с их губ. Блейк почувствовал жар пламени на своем лице.

– Пошли! – выпалил он, понимая, что у Гордона проблемы. – Мы должны спуститься туда!

Пожилой полицейский фыркнул.

– Это был взрыв газа, малыш.

– Газ? – с вызовом переспросил его Блейк. – Это канализация!

Фоули вышел вперед, чтобы во всем разобраться. Он вытер сажу с лица.

– Никто не спуститься, пока мы не узнаем, что там внизу.

– Но мы знаем, сэр! Комиссар полиции!

Фоули бросил на Блейка неодобрительный взгляд, явно раздраженный выходкой молодого полицейского.

– Кто-нибудь уберите отсюда эту сорвиголову, – приказал он. – И приведите ко мне парня из МВЭ!

Понимая, что спорить бессмысленно, Блейк отступил и вышел из группы полицейских. Он не мог поверить, что Фоули и другие не спешили найти Гордона, независимо от того, был огонь или нет. Под Готэмом было много туннелей. Гордон может быть где угодно.

Может быть даже...

Ему пришла в голову идея. Он побежал к своей патрульной машине.

Глава седьмая

Оглушенный ударом, Гордон изо всех сил пытался оставаться в сознании. Грубые руки забрали у него пистолет и перевернули на спину. Притворяясь мертвым, он слегка приоткрыл веки и разглядел две расплывчатые фигуры, склонившиеся над ним. Сильный запах немых волос и одежды проник в его ноздри. Удар ногой по ребрам вызвал у него болезненный вздох.

– Этот жив, – прозвучал хриплый голос. Мужчина наклонился, присматриваясь. – Господи, это комиссар полиции!

Его сообщник почесал голову.

– Что нам делать?

Они замешкались на мгновение, неопределенность мелькнула на их лицах. Затем снова заговорил первый:

– Отведем его к Бэйну.

Они наполовину несли, наполовину тащили Гордона через шокирующий лабиринт туннелей. Несмотря на свое ослабленное состояние, он попытался запомнить маршрут, но вскоре потерял след из-за многочисленных поворотов. Они двигались вглубь под город, температура заметно падала, пока они опускались все ниже и ниже.

Подвесные фонари и светящиеся голые лампочки обеспечивали достаточно света для передвижения. Он был удивлен и обеспокоен, увидев происходящее в туннелях. Толстяки с блестящими от пота телами атаковали стены и потолок сверлами и отбойными молотками. Хмурые охранники, вооруженные автоматами, сторожили рабочих. Уличные мальчишки в лохмотьях, выглядевшие словно школьники, тащили ведра с сыпучим мусором, высыпавшимся сквозь узкие щели. Мешки с порошкообразным цементом были сложены выше в коридоре.

Крупные раскопки, похоже, уже начались, но Гордон подозревал, что отдел планирования города не разрешал ничего такого. Он даже сомневался, что они знали об этом.

«Это больше, чем просто похищение, – понял он. – Намного больше».

Рабочие ненадолго остановились, чтобы посмотреть, как Гордона протащили мимо, но через мгновение возобновили работу. Грохот отбойных молотков эхом отразился от источающих влагу каменных стен туннелей, а затем стих. Гордон задумался, куда его несут похитители, и кто этот Бэйн.

Еще на один уровень ниже двойного водопада чистой воды, стекающей в подземную реку. Между брызгающими водопадами проходил узкий мостик, по которому устроившие на Гордона засаду переправили его на укромную платформу, скрытую за завесами падающей воды. Пространство пещеры, похоже, было превращено в специальный командный центр с жилыми помещениями. Столы и шкафы для бумаг заставляли углы. Карты и чертежи оклеивали столы. Выцветшее стеганое одеяло экзотического дизайна, расстеленное на большой кровати, казалось невозможной домашней деталью.

Вооруженные охранники в военной форме с подозрением посмотрели на вновь прибывших, но позволили им пройти. Внушительный мужчина с голой грудью, подходящей профессиональному борцу, стоял перед открытой печью. Гордон и его похитители видели лишь его широкую спину. Огненный свет отбрасывал адский свет на его мускулистую фигуру. Зубчатая линия грубых рубцов покатила по позвоночнику. Темный резиновый головной убор был привязан к его черепу.

– Зачем вы здесь? – спросил мужчина. Гордон догадался, что это Бэйн.

Бандиты бросили Гордона к его ногам.

– Отвечай ему! – потребовал один из них.

Бэйн повернулся к ним. Глаза Гордона расширились при виде сложного аппарата, скрывающего нос и рот великана. Какой-то противогаз? Комиссар понюхал воздух, но обнаружил только несвежую атмосферу туннелей.

– Я спрашиваю *вас*, – сказал Бэйн, поворачиваясь к двум мужчинам.

– Это комиссар полиции, – сказал один из них. Бэйн был недоволен, услышав это.

– И вы привели его сюда? – спросил он.

– Мы не знали, что делать, – сказал другой, пытаясь объяснить. – Мы...

– Вы запаниковали, – сказал Бэйн, отрезая его. – И ваша слабость стоила трех жизней. Флэнки в замешательстве огляделся.

– Нет, он один...

Бэйн бросился вперед с удивительной скоростью. Прежде чем мужчина успел закончить предложение, Бэйн схватил его за голову и резко повернул. Безошибочно узнаваемый треск положил конец жизни несчастного приспешника. Его безжизненное тело упало на пол.

«*Господи*, – подумал Гордон. Он в ужасе уставился на Бэйна. – *Что это за монстр?*» Убийца в маске повернулся к другому бандиту. Затем кивнул в сторону Гордона.

– Общайте его, – приказал Бэйн. – А после я тебя убью.

Его предполагаемая жертва сглотнула: кровь отхлынула от его желтоватого лица, костяшки напряглись на рукоятке отобранного у Гордона пистолета. Он с тревогой оглянулся вокруг – без сомнения, в поисках выхода, – только чтобы увидеть, как охранники Бэйна поднимают оружие. Солдаты выглядели закаленными в боях профессиональными наемниками.

Побег был невозможен.

Еще мгновение подержав в руке пистолет Гордона, мужчина смиренно уступил. Он положил оружие на пол, и на его лице появилось выражение скорбной покорности. Порывшись в карманах лежащего офицера, он достал кошелек Гордона, значок и несколько сложенных листов бумаги.

«*Моя речь*, – понял с тревогой Гордон. – *Господи, нет...*»

Обреченный преступник передал все эти предметы Бэйну, который бегло их осматривал, один за другим. Они казались ему малоинтересными, пока он не дошел до бумаг. Он быстро просмотрел листы, затем остановился и внимательно прочитал их. Его глаза сузились.

Никто не произнес ни слова. Все смотрели на Бэйна и бедную марионетку, которую должны были казнить. Никто не обращал ни малейшего внимания на Гордона, который лежал, растянувшись на полу, недалеко от края платформы. Он слышал, как несколькими футами ниже бушует вода, его даже обрызгала струя воды из двойного водопада.

Комиссар осторожно поднял голову и убедился, что на него никто не смотрит.

«*То, что надо*, – понял он. – *Это, возможно, мой единственный шанс*». Адреналин ворвался в его помраченное сознание, и комиссар быстро перекатился через край платформы, с брызгами падая в бурлящие внизу воды.

Гордон мгновенно ушел под воду. Он пытался задержать дыхание, но холодная вода хлынула в рот и нос. Поток схватил его и начал уносить прочь.

Измученные охранники выкрикивали ему вслед проклятия, но вода приглушала эти звуки. Загрохотали автоматы. Пули врезались в тело Гордона, разрывая плоть и кости. Сильная боль сотрясала его с ног до головы. Он закричал под водой.

«*Нет!* – думал Гордон. – *Я должен выбраться... поднять тревогу*».

Малиновая пена растекалась по воде, но поток быстро ее смыл.

Бэйн смотрел на текущую внизу реку. Его не оправдавший доверия приспешник, неосторожно принесший Гордона на их оперативную базу, тоже смотрел на канал.

– Он мертв, – настаивал этот дурак, как будто это могло как-то оправдать его неспособность рассуждать здраво. В воздухе повис пороховой запах от выстрелов. Тело его товарища все еще лежало на земле, всего в нескольких футах от него. – Он не мог выжить.

Бэйн спрятал бумаги Гордона за пояс, чтобы просмотреть их на досуге. Его разум искал способы использования этих откровений.

Он обратился к испуганному мужчине:

– Тогда покажи мне его тело.

– Но вода разделяется на множество выходящих потоков, – возразил мужчина. – Мы никогда его не найдем.

Бэйн обдумал проблему. Он повернулся к своему лейтенанту Барсаду. Верный солдат сражался с ним плечом к плечу в стольких конфликтах за эти годы, по всему миру. Он был обязан Бэйну жизнью дюжину раз.

– Дай мне свой джи-пи-эс, – потребовал лидер в маске.

Барсад передал ему устройство, и Бэйн сунул его в кожаную куртку испуганного при-спешника. Затем застегнул молнию, как любящая мать, отправляющая ребенка в школу, и похлопал по куртке, чтобы убедиться, что устройство джи-пи-эс было в безопасности.

– Отправляйся за ним, – приказал он.

Бесполезный дурак непонимающе уставился на него.

– За ним?

Бэйн выхватил пистолет и выстрелил мужчине между глаз.

Тело упало на пол. Бэйн пнул его через край платформы в бурлящую воду, а затем наблюдал, как поток уносил труп в том же направлении, что и ранее Гордона. Он повернулся и снова обратился к Барсаду.

– Отследи его местоположение, – поручил Бэйн. – Убедись, что оба тела никто не нашел. Затем заложи южный туннель кирпичами.

Барсад поспешил выполнить его приказ. Бэйн вынул бумаги Гордона и снова пролистал их. Если верить написанному, они легко стоили жизни любого количества людей. Его радовала цепь случайностей, которая позволила ему овладеть этими бумагами.

Судьба, казалось, была на его стороне.

* * *

Ночью очистные сооружения выглядели еще хуже. Блейк подъехал к воротам и показал свой значок озадаченному охраннику, который пропустил его. Росс был не на службе, а дома с женой и детьми, но Блейк отрабатывал несколько неоплачиваемых сверхурочных. Действуя интуитивно, он припарковал свой автомобиль и помчался к резервуару, куда ранее смыло тело Джимми.

Блейк знал, что вероятность ничтожно мала, и заранее боялся найти тело Гордона в том же состоянии, что и Джимми, но все было лучше, чем бездельничать, задаваясь вопросом, жив ли комиссар. Он должен был убедиться, что Гордон пережил взрыв под землей. Готэм все еще нуждался в нем.

Лунный свет струился над водой, которая текла под металлической решеткой. Приготовившись к худшему, Блейк вдруг заметил, как что-то на краткое мгновение зацепилось за прутья решетки, а снова погрузилось в поток вниз. Что-то бледное ощупывало воздух.

Пальцы?

Он побежал вперед и сунул руку в резервуар. Он отчаянно шарил рукой, пока – и тут его сердце забило сильнее – не нащупал запястье другого человека.

Да! Это был Гордон.

Напрягшись, Блейк вытащил комиссара через отверстие в решетке и дотащил до бетонной дорожки. Дыхание Гордона было прерывистым, комиссар выглядел едва живым: лицо было серым, а очки отсутствовали. Мокрая одежда была пропитана кровью. Малиновые водовороты испещрили лужу, которая начала скапливаться под его дрожащим телом.

Блейк сразу понял, что в Гордона не раз стреляли. Он с тревогой позвал на помощь.

– Человек внизу!

А затем понял, что комиссар пытается что-то сказать.

– Бэйн, – сразу прошептал Гордон, так тихо, что едва можно было расслышать. – Под городом. Предупреди Готэм, предупреди...

Блейк наклонился ближе, пытаясь разобрать, что говорит комиссар. Полицейский разрывался между страхом и облегчением.

«По крайней мере, он все еще жив», – подумал он.

Но надолго ли?

Глава восьмая

Блейк никогда раньше не был в поместье Уэйнов. Из-за величественных каменных стен и башен оно больше походило на замок, чем на дом. Высокие узкие окна с остроконечной арочной перемычкой и мраморные колонны добавляли величия. С верхних этажей смотрели горгульи. Элегантный парапет окружал крышу. Каменные шпили вздымались в небо. Не хватало только рва и разводного моста. Особняку был бы уместен в каком-то далеком европейском королевстве, а не в нескольких милях от центра Готэма.

Блейку было трудно поверить, что во всем этом доме живет только один человек, даже если этим человеком был Брюс Уэйн. Можно было разместить там целый детский дом, и при этом осталось бы место для небольшой армии.

Пожилой дворецкий приветствовал его у двери. Основываясь на имеющейся у него информации, Блейк узнал Альфреда Пенниурта, человека, который служил по крайней мере двум поколениям семьи Уэйн. Офицер задавался вопросом, насколько старый слуга знал секреты своего хозяина.

– Мне нужно увидеть Брюса Уэйна, – сказал Блейк.

– Простите, – сказал дворецкий. – Господин Уэйн не принимает незапланированных визитеров. Даже полицейских.

– А если я пойду получу ордер для расследования убийства Харви Дента? – спросил Блейк. – Будет ли это считаться «незапланированным»?

Дворецкий нахмурился и внимательно посмотрел на молодого полицейского.

Через несколько минут Блейк оказался в роскошном кабинете, окруженный антиквариатом и реликвиями, к которым боялся близко прикоснуться. Он вертелся на мягком диване, все еще размышляя, правильно ли поступает. В своей голове он тысячу раз репетировал этот визит, но одно дело – представлять, и совсем другое – действительно пережить его. Что если он совершит огромную ошибку?

«Может быть, некоторые секреты должны остаться похороненными...»

Брюс Уэйн вошел в комнату, сжимая трость. Блейк был поражен тем, насколько изменился некогда блистательный плейбой, но старался этого не показывать. Сейчас он выглядел старше и неряшливее, и больше подходил для выхода на пенсию, чем на торжественный парад. Одетый лишь в помятый халат и тапочки, он заставил Блейка чувствовать себя вырядившимся.

Бывший принц Готэма не сажился. Блейк задумался, как он повредил ногу.

– Что могу служить, офицер? – спросил Уэйн.

Блейк сразу перешел к делу.

– В комиссара Гордона стреляли.

– Мне жаль это слышать...

– Он загнал нескольких вооруженных людей в канализационный коллектор, – уточнил Блейк, прервав его. – Когда я вытащил его, он говорил о подземной армии и человеке в маске по имени Бэйн.

Уэйн остался невозмутим.

– Разве вы не должны сообщить эти сведения своим старшим офицерам?

– Я так и сделал, – признался Блейк. – Один из них спросил, не видел ли он там гигантских аллигаторов. – Он покачал головой, вспомнив, как Фоули и другие отмахнулись от него, как только Гордон был благополучно доставлен в больницу. Прошло всего несколько часов с тех пор, как в комиссара стреляли, но это было уже давно. Им нужно было что-то сделать!

– Он нуждается в вас. – Блейк глубоко вздохнул, прежде чем продолжить. – Ему нужен Бэтмен.

«Ну вот, – подумал он. – Я сказал это».

Если Уэйн и был шокирован этим подтекстом, то никак этого не показал. Миллиардер-затворник просто иронично усмехнулся.

– Если комиссар Гордон думает, что я Бэтмен, он, должно быть, в плохом состоянии...

– Он не знает, кто вы, или же ему плевать, – сказал Блейк. – Но мы с вами встречались раньше... когда я был ребенком. В приюте.

Уэйн вопросительно посмотрел на него.

– Видите ли, моя мама умерла, когда я был маленьким, – продолжил Блейк. – Автокатастрофа, которую я совсем не помню. Но через пару лет моего отца застрелили из-за карточного долга. Это я помню прекрасно. – Он посмотрел в глаза Уэйну. – Немногие знают, каково это, не так ли? Когда злость у тебя в крови. Люди «понимают», приемные родители «понимают» – какое-то время. А затем они ждут, что злой ребенок сделает то, что, по его мнению, он никогда не сможет сделать. Будет двигаться дальше, *забудет*.

Он выплюнул последнее слово.

– Поэтому они перестали понимать и отправили злого ребенка в приют для мальчиков, в Сан Свитин. Ранее финансируемый «Фондом Уэйна». – Блейк сделал выразительную паузу. – Видите ли, я понял это слишком поздно. Нужно скрывать гнев. Тренировать улыбку перед зеркалом, как будто надевать маску. – Слова и воспоминания посыпались из него. – Однажды появились вы: крутая машина, красивая девушка рядом. Брюс Уэйн, миллиардер-сирота. Мы придумывали истории о вас. Легенды. Истории других мальчиков были именно такими. Но увидев вас, я понял, кто вы на самом деле. Я видел это выражение на вашем лице. Эту маску. Ту же самую, которой выучился сам.

Блейк замолчал. Он не знал, что еще можно было сказать. Он ждал, что Уэйн ответит, опровергнет или подтвердит, но мужчина просто молча стоял и выглядел погруженным в свои мысли. Молодой полицейский задумался, что же у него на уме.

– Я не знаю, почему вы взяли на себя вину за убийство Дента, – наконец сказал он, – но я все еще верю в Бэтмена. Даже если вы – нет.

Уэйн посмотрел на него.

– Почему вы сказали, что ваш приют для мальчиков *ранее* финансировался «Фондом Уэйна»?

– Потому что деньги перестали поступать. – Блейк видел, что Уэйн был удивлен новостями. Офицер поднялся на ноги, разочарованный тем, что нашел в особняке. – Возможно, пришло время подышать свежим воздухом и начать уделять внимание деталям. Некоторые из них могут нуждаться в вашей помощи.

Он вышел за дверь.

Брюс и Альфред наблюдали из гостиной, как уезжала патрульная машина.

– Ты проверил это имя? – спросил Брюс. Он предположил, что Альфред подслушивал его встречу с молодым полицейским. – Бэйн. – У этого слова были зловещие значения. Причина гибели, катастроф и смерти, по крайней мере, согласно словарю Вебстера. Брюс задавался вопросом, какой человек выбрал для себя такое имя.

Человек, который хотел вселить страх в других?

Он понимал такую причину.

– Прогнал его через несколько баз данных, – ответил Альфред. Прежде чем стать слугой, верный дворецкий когда-то служил оперативником британской разведки. Его навыки сбора информации все еще были полезны. – Он наемник. Другое имя неизвестно. Его никогда не видели и не фотографировали без маски. Он и его люди стояли за переворотом в Западной Африке, который обеспечил добычу полезных ископаемых нашему другу Джону Даггетту.

Уэйн поднял бровь. Даггетт был той акулой, из-за которой у богатых магнатов появилась дурная слава.

– Так это Даггетт привел их сюда? – спросил Брюс.

– Кажется, да, – ответил Альфред. – Я продолжу копать.

Дворецкий повернулся, чтобы уйти, но у Уэйна был еще один вопрос.

– Почему «Фонд Уэйна» прекратил финансирование приюта для мальчиков в городе?

– Фонд финансируется за счет прибыли «Уэйн Энтерпрайзес», – напомнил ему Альфред. – Видимо, ее немного.

У Брюса помрачнело лицо. Последние годы отразились на компании, которую основали родители Брюса, но он не представлял, что финансовые проблемы «Уэйн Энтерпрайзес» нанесли ущерб благотворительным организациям, которые зависели от ее щедрости. Он упрекнул себя за то, что не обратил на это более пристального внимания.

– Думаю, пора поговорить с мистером Фоксом, – заявил Брюс.

Люциус Фокс был генеральным директором «Уэйн Энтерпрайзес» и занимал этот пост уже в течение нескольких лет. Брюс доверял ему почти так же, как Альфреду.

– Я позвоню ему, – сказал Альфред.

– Нет. – Брюс выглянул за парадную дверь. Мраморные ступени вели вниз к закрытому гаражу. – У нас еще есть машины?

Альфред улыбнулся:

– Одна или две.

«Хорошо», – подумал Брюс.

– И запиши меня на прием в больницу. По поводу моей ноги, – добавил он.

Нога беспокоила его уже восемь лет, с тех пор как он попал в несколько историй. Падение убило Харви Дента. Брюс просто повредил левое колено. Возможно, навсегда.

– В какую больницу, сэр?

– В ту, где лежит Джим Гордон.

«Уэйн Энтерпрайзес» занимала сверкающий небоскреб из стекла и стали в центре Готэма. Монорельсовая система и коммунальные услуги города проходили через здание, что сделало его неофициальным центром города.

На верхнем этаже башни только что завершилось заседание совета директоров. Обеспокоенные руководители поднялись со своих мест вокруг большого полированного дубового стола, собирая свои записи и отчеты. Панорамные окна выходили на процветающий внизу город. Полупустые кувшины с пресной водой ждали, пока обслуживающий персонал заберет их. Мраморные бюсты основателей компании, Соломона и Зебедии Уэйн, смотрели свысока, когда члены правления выходили из комнаты.

Миранда Тейт задержалась, надеясь на личную беседу с генеральным директором.

– Господин Фокс, – начала она, – я верю в то, что пытался сделать мистер Уэйн. Я только прошу объяснений, потому что думаю, что могу помочь.

– Я передам ваш запрос, – сказал Фокс. – В следующий раз, когда увижу его.

Представительный джентльмен-афроамериканец в возрасте шестидесяти лет, Люциус Фокс сидел во главе стола. Его аккуратно подстриженные волосы и усы по цвету теперь напоминали скорее соль, чем перец. Старомодный галстук-бабочка придавал ему изысканный вид. Он начинал как научный сотрудник и инженер, прежде чем взять на себя управление компанией почти десять лет назад.

– Он с вами тоже не разговаривает?

– Давайте просто скажем, что у Брюса Уэйна есть свои ... странности.

«И это мягко говоря», – подумал Фокс.

– Господин Фокс, – продолжила Миранда. – Вам известно, что Джон Даггетт пытается приобрести акции «Уэйн Энтерпрайзес»?

– Нет, – признался он. – Но это не принесет ему никакой пользы. Мистер Уэйн сохраняет поддержку явного большинства. – После этих слов он замолчал, показывая, что разговор окончен.

Миранда ушла, явно разочарованная тем, что не узнала больше о текущих перспективах компании. Фокс вздохнул. Он ценил энергию и убежденность женщины, но определенная информация не могла быть передана никому, кроме самого Брюса Уэйна. Мисс Тейт должна была оставаться в неведении вместе с остальным миром.

Вернувшись в свой кабинет, он обнаружил неожиданного посетителя.

– Брюс Уэйн, – произнес он. – Глазам своим не верю.

Приветствуя его, Брюс встал, опираясь на трость. Фокс не мог вспомнить, когда в последний раз впавший в спячку наследник посещал «Уэйн Тауэр».

– Что вывело вас из криогенного сна, мистер Уэйн? – спросил он.

Брюс усмехнулся.

– Вижу, ты не потерял чувство юмора, хотя *уже* потерял почти все мои деньги.

Фокс просто не обратил внимания на это обвинение.

– На самом деле, вы сделали это сами, – ответил он. – Видите ли, если вы вложите весь пятилетний бюджет на научно-исследовательские разработки в один проект, который затем отложите на неопределенный срок, ваша компания вряд ли будет процветать.

– Даже с...

– Да, даже с очень умудренным опытом генеральным директором. – Он наклонился вперед и выложил Брюсу голую, суровую правду. – У компании «Уэйн Энтерпрайзес» заканчивается время. И Даггетт подбирается все ближе.

Брюс принял мрачный прогноз без жалоб.

– Какие у меня варианты?

– Если вы не хотите запустить машину...

Брюс перебил его.

– Я не могу, Люциус.

– Тогда расслабьтесь, – посоветовал Фокс. – Ваше большинство сдерживает Даггетта, пока мы оцениваем будущее энергетической программы с Мирандой Тейт. Кстати, она всячески поддерживала ваш проект. Она умная и довольно милая.

Брюс закатил глаза.

– Ты тоже, Люциус?

– Мы все просто хотим для вас самого лучшего, Брюс. – Фоксу было больно видеть, как такой замечательный человек, переживший уже столько трагедий, отрезал себя от надежды на счастье. Брюс заслуживал лучшего, чем самостоятельно созданное чистилище, к которому он себя приговорил. – Покажите ей машину.

– Я подумаю над этим, – сказал Брюс.

Это было больше, чем Фокс ожидал, поэтому он решил оставить все как есть.

– Что-нибудь еще? – спросил Люциус.

– Нет, почему? – ответил Брюс. Фокс ностальгически улыбнулся.

– Эти разговоры заканчивались некоторыми ... необычными просьбами.

– Я отошел от дел, – кратко сказал Брюс.

Никто из них не нуждался в уточнении. Они всегда понимали друг друга в отношении прежних... занятий Брюса, даже если редко говорили о них напрямую. Правдоподобное отрицание имело свои преимущества, по крайней мере, в отношении Фокса.

Тем не менее, он не закончил:

– Позвольте мне показать вам кое-что.

Глава девятая

Научный отдел «Уэйн Энтерпрайзес» был спрятан в бункере размером с ангар глубоко под башней, на много этажей вниз. Когда Брюс впервые посетил объект, почти десять лет назад, тот был кладбищем заброшенных прототипов и забытых проектов, собирающих пыль – с глаз долой из сердца вон.

Только он и Люциус видели потенциал в обширной коллекции высокотехнологичных отделов подразделения. Вместе они превратили замшелые реликвии в арсенал.

До того, как все пошло не так.

Теперь бункер снова стал кладбищем. Брюс неловко хромал через огромные пещеристые камеры, осматривая растущую коллекцию высокотехнологичных игрушек Люциуса. Блестящий инженер-механик, и одновременно опытный бизнесмен, Люциус разработал или наблюдал практически за каждым предметом, спрятанным на объекте. Он работал в «Уэйн Энтерпрайзес» на протяжении десятилетий, помогая строить общегородскую монорельсовую систему Готэма для отца Брюса поколением раньше.

Томас Уэйн был филантропом, вместе со своей любимой женой посвятил себя тому, чтобы сделать Готэм лучшим местом для жизни всех его граждан. Брюс иногда боялся, что город так и не оправился от их бессмысленного убийства.

Они миновали ряд похожих на танки машин, раскрашенных под пустынный камуфляж. Приземленные и угловатые, с широкими шинами для гоночных треков, тяжелые бронированные «тумблеры» были разработаны для военных США, но перерасход средств и технические трудности потопили проект. Брюс однажды применил подобную модель, прежде чем она была уничтожена, когда преследовал Джокера. Он так и не удосужился заменить машину.

– Я думал, что ты закрыл это место, – сказал Брюс.

– Официально оно всегда было закрыто, – напомнил ему Люциус.

– Но откуда все это новое оборудование?

– После того как умер ваш отец, – сказал Люциус, – «Уэйн Энтерпрайзес» создал четырнадцать различных дочерних оборонных предприятий. – Это произошло под сомнительным с этической точки зрения руководством Уильяма Эрла, которого Брюс выгнал несколько лет назад. Фокс оказался гораздо более добросовестным и социально ответственным генеральным директором. – Я годами закрывал их и собирал все прототипы под одной крышей. Своей крышей.

Брюс восхищался огромными запасами.

– Зачем?

– Чтобы они не попали в чужие руки, – ответил Люциус. – Кроме того, я думал, что *кто-то* может извлечь из них пользу.

Брюс покачал головой. Какую часть фразы «Я отошел от дел» не понял этот человек?

– Уверены, что я ничем не могу вас соблазнить? – надавил Люциус. – Пневматические кошки? Инфракрасные контактные линзы? – Он посмотрел на трость Брюса. – По крайней мере, позвольте мне принести кое-что для этой ноги.

Брюс оценил предложение, но нет. Его больное колено более или менее держало его на земле.

– Я доволен тем обслуживанием, которое оно получает в эти дни.

Люциус пожал плечами.

– Ну, у меня есть вещь для эксцентричного миллиардера, который не любит гулять.

Он подошел к толстой металлической двери, которая охраняла соседнюю комнату. Люциус ввел код в клавиатуру, установленную рядом с дверью, и защитный барьер пополз вверх, обнажив ангар. Глаза Брюса расширились при виде гладкой, современной машины,

которая, казалось, вся состояла из складывающихся металлических плоскостей и панелей. Огромные винты должны были поднимать пугающий корабль в воздух.

– Проект оборонного отдела по наведению порядка в городах с жесткой геометрией, – гордо сказал Люциус. – Винты настроены для маневрирования между зданиями без рециркуляции.

Брюс был впечатлен.

– Как называется?

– У него длинное и неинтересное обозначение «Уэйн Энтерпрайзес», – заявил Люциус, – поэтому я решил назвать его просто, Бэт. – Он повернулся к Брюсу с хитрой улыбкой на лице. – И, да, мистер Уэйн, его можно покрасить в черный.

Брюс не удержался и присмотрелся. Хромая, он пошел вперед и провел рукой по одному из множества угловатых и перекрывающих друг друга элевонов. Кабина была укрыта под крыльями в прочном бронированном модуле. Пустое место пилота манило его. Инстинктивно он задавался вопросом, как Бэт держится в воздухе.

– Прекрасно работает, – сказал Люциус, как будто читая его мысли. – За исключением автопилота.

Брюс отступил от машины.

– Что с ним не так?

– Программная нестабильность, – вздохнул Люциус. – Может быть, для исправления требуется более живой, чем мой, ум.

Брюс скептически посмотрел на него.

– Живой ум?

– Я поскромничал. Менее занятый ум, – добавил он. – Ваш, возможно.

Но Брюс не дал старику соблазнить его. Он повернулся спиной к самолету с неоспоримым приступом сожаления.

– Я сказал вам, – произнес он твердо. – Я отошел от дел.

* * *

– Я видел коленный хрящ и похуже, – прокомментировал доктор, исследуя рентген.

Брюс сидел на диагностическом столе в центральной больнице Готэма. На улице уже было темно, но Альфреду удалось договориться о встрече в нерабочее время. Имя Уэйна все еще открывало двери в Готэме, независимо от того, что говорилось в последних финансовых отчетах.

– Это хорошо, – ответил Брюс рассеянно, только наполовину слушая. Ум его был занят совсем другим.

– Не совсем, – сказал доктор. – Это потому, что в вашем колене *нет* хряща. И от тех, что у вас в локтях и плечах, не так много пользы. Между тем и рубцовая ткань в почках, остаточное шоковое повреждение ткани головного мозга, а также многочисленные шрамы вашего тела, просто не позволяют мне рекомендовать вам заниматься горнолыжным спортом. – Он зацокал языком, глядя на снимок старых шрамов, пересекающих голую спину и грудь Брюса. – Единственная часть вашего тела, которая выглядит здоровой, это ваша печень, поэтому, если вам скучно, я рекомендую вам выпить, мистер Уэйн.

– Я приму это к сведению, доктор.

Врач ушел, чтобы продолжить свой обход, оставив своего пациента одного в смотровой палате.

«Наконец», – подумал Брюс. Он быстро оделся и натянул на голову шерстяную лыжную маску. Быстро двигаясь, прежде чем кто-либо вспомнил, что надо его проверить, он подошел к окну и забрался на подоконник. Повернув изголовье трости, он вытащил кусок прочной

проводами из моноволокна и прикрепил ее к ремню, затем надежно заклинил трость за оконной рамой. Стекло легко открылось. Свежий осенний ветер подул в комнату. Брюс высунулся, чтобы осмотреться.

Смотровая палата находилась на одном из верхних этажей больницы, лицом к темной аллее. Мусор разлетался по переулку, в сотнях футов ниже. Металлический контейнер был заполнен небιологическими отходами. Брюс специально попросил эту комнату – ради конфиденциальности, заявил он. В конце концов, медицинские проблемы Брюса Уэйна не должны получить широкую огласку во всех таблоидах.

Эта была идеальная история для прикрытия из-за ее правдоподобия.

Он не задержался на подоконнике. Хотя и несколько лет не пытался сделать такой трюк, Брюс бросился в окно в ночь. Гравитация взяла его в свой плен, и он мчался к переулку вниз, с разворачивающейся за спиной проволокой. Ночной ветер хлестал его по лицу.

«Раз, два... – Брюс считал этажи, пока резко пронеслся мимо них, разгоняясь со скоростью девять целых и восемь десятых метров на секунду в квадрате. Он ждал подходящего момента, чтобы активировать тормозной механизм. – *Три!*»

Он остановился напротив отдельной палаты на одиннадцатом этаже. Тусклый свет проникал сквозь шторы, когда Брюс украдкой поднял окно и проскользнул внутрь палаты. Обученный искусству ниндзя, он не издал ни звука на подходе к изможденной фигуре на кровати. Его сердце упало при виде больного.

Брюс впервые встретил Джима Гордона в худшую ночь в своей жизни. Молодой полицейский, недавно переведенный из Чикаго, Гордон пытался утешить восьмилетнего ребенка всего через несколько часов после того, как родители мальчика были убиты грабителем в месте, который когда-нибудь будет известен как переулок Преступлений. Хотя он был травмирован убийством, которое произошло прямо на его глазах, Брюс никогда не забывал доброту молодого офицера. Один из немногих честных полицейских в городе, которому нравилось быть грязным, Гордон оказался ценным союзником в войне Бэтмена с преступностью.

С годами Темный рыцарь стал зависеть от честности и храбрости Гордона.

Теперь Гордон беспомощно лежал на больничной койке, подключенный к аппаратам. Мигающее медицинское оборудование следило за его жизненными показателями, которые были тревожно слабыми. Кислородная маска была прикреплена к его лицу. Капельница подавала жидкость в его руку. Лицо Гордона было пепельным, а кожа выглядела липкой. Брюс почувствовал, как в груди поднимается давно похороненный гнев.

Гордон был его другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.